РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Кабардино-Балкарский научный центр
Институт гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РФ

М.З. УЛАКОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

НАЛЬЧИК
2005

Рецензенты: доктор филологических наук
А.А.Чеченов,

кандидат исторических наук
Х.-М.А.Сабанчиев

УЛАКОВ М.З.

Ул 47. Очерки истории карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2005.– 104 с.

ISBN 5-901497-10-4

Настоящая работа представляет собой краткие очерки истории карачаево-балкарского языка. В ней даются сведения о письменных памятниках тюркских языков, имеющих прямое отношение к истории карачаево-балкарского языка, приводится периодизация и диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев в свете последних достижений отечественной и зарубежной тюркологии.

Учебное пособие предназначено для студентов и аспирантов филологических отделений вузов.

ISBN 5-901497-10-4

© **М.З. Улаков**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее пособие представляет собой краткие очерки истории карачаево-балкарского языка. В его основу положены наиболее глубокие и богатые фактическим материалом работы: "Проблемы формирования и развития языка карачаевцев и балкарцев" А.А.Чеченова (М., 1996), "Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении" Ш.Х. Акбаева (Карачаевск, 1999), "История карачаево-балкарского языка" М.З. Улакова (Нальчик, 2001), "Письменные памятники тюркских языков как источник истории современного карачаево-балкарского языка" М.З. Улакова, А.А.Чеченова (Нальчик, 2001).

Современное состояние научной разработки карачаево-балкарского языка характеризуется наличием разногласий по ряду важнейших вопросов. В настоящей работе, в силу этого, присутствуют положения, отступающие от установившейся традиции или содержащие те или иные решения вопросов, по которым нет единства взглядов. В целом же трактовка наиболее важных вопросов истории карачаево-балкарского языка дается в общепринятом или наиболее распространенном варианте.

Для изучения истории карачаево-балкарского языка важным аспектом является установление генетического родства и степени влияния языка письменных памятников тюркских языков на изучаемый язык. Именно поэтому в первой части работы освещается история формирования, общее содержание, фонетические, лексические и грамматические особенности письменных памятников тюркских языков, и на основании сравнения языка их текстов с современным карачаево-балкарским языком устанавливается связь и влияние унаследованных письменных традиций на процесс становления и развития языка карачаевцев и балкарцев.

В качестве важного источника истории карачаево-балкарского языка рассматриваются языки таких письменных памятников, как "Кодекс Куманикус", текстов тюркоязычных армян, караимских текстов, а также язык мамлюкско-кыпчакских письменных памятников.

Вторая часть пособия состоит из очерков по прототюркской проблеме, о булгарском, древнебулгарском и кыпчакских языках, а также содержит материалы о формировании карачаево-балкарского языка и его диалектного членения, периодизации истории карачаево-балкарского языка в контексте недавних достижений отечественной и зарубежной тюркологии.

Часть I

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

В первой части очерков дается история формирования, общее содержание, фонетические, лексические и грамматические особенности письменных памятников тюркских языков, на основании сравнения их текстов с современным карачаево-балкарским языком устанавливаются генетическое родство между ними и степень влияния языка памятников на становление и развитие языка карачаевцев и балкарцев.

Письменные памятники кыпчакских языков

Наиболее ранние письменные памятники кыпчакского языка датируются серединой XII века. В это время в низовьях Сыр-Дарьи широкое распространение получили мистические стихи известного суфиста Ахмеда Ясеви (родился во второй половине XI века в городе Сайрам и умер в 1166 году). Наиболее ранний список "Хикметов" ("Мудрые поучения") Ахмеда Ясеви, хранящийся в Стамбуле, относится к 1105 году. Специалисты считают, что язык "Хикметов" Ахмеда Ясеви в своей основе является кыпчакским и относится к j-группе тюркских языков, однако при этом подчеркивают, что он испытал определенное влияние со стороны языка огузских племен и не свободен от влияния литературной традиции, сложившейся во времена создания «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского (Наджип Э.Н. «Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сарайи и его язык». – Алма-Ата: Наука, 1975. – ч. 1. – С. 10), поэтому его квалифицируют как смешанный огузо-кыпчакский (А.К.Боровков), кыпчакско-огузский (Э.Н. Наджип), восточно-тюркский (Кёпрюлю-заде) и т.д.

В 1212 году появляется первое оригинальное тюркоязычное поэтическое произведение "Юсуф и Зулейха" ("Кысса-и Юсуф"), принадлежащее поэту Кул Али. К. Броккельман, впервые исследовавший поэму "Кысса-и Юсуф", относит этот памятник к южным огузским языкам, казанские исследователи причисляют его к булгарской ветви тюркских языков, А.К. Боровков не сомневается в среднеазиатском происхождении памятника. Можно предполагать, что это один из тех первых письменных памятников, язык которых, будучи огузским в своей основе, испытал значительное воздействие со стороны кыпчакских диалектов.

На территории Татарстана обнаружены десятки списков поэмы "Кысса-и Юсуф" Кул Али, но все они относятся к позднему периоду и датируются XVIII-XIX веками (Кол Гали. Кыйсса-и Йосыф: Йосыф турында кыйсса. – Казан: Тат. кит. нэшр., 1983. – С. 426-494).

В начале XIII века вместе с монголами Среднюю Азию и Восточную Европу заполнили новые пришельцы – тюркоязычные кочевые племена, в том числе и кыпчаки. Этнический и языковый состав населения Золотой Орды был чрезвычайно пестрым, поэтому однозначно определить точную этнолингвистическую принадлежность литературных памятников, созданных в золотоордынскую эпоху на огромной территории, не всегда представляется возможным. Специалисты считают, что языки тюркских письменных памятников золотоордынской эпохи являются смешанными огузо-кыпчакскими, или кыпчакско-огузскими.

В XIV веке в Золотой Орде бурно развивается культура, создаются многочисленные литературные памятники самого различного содержания на смешанных, но значительно отличающихся друг от друга тюркских литературных языках. Исследователи литературных тюркских языков обычно выделяют ряд смешанных языков, в сло-

жении которых в той или иной мере участвовали кыпчакские диалекты:

1) смешанный огузско-кыпчакский письменный язык, отражающий особенности языка огузских племен, пришедших в Египет при сельджукидах, особенно при айюбидах, и язык кыпчакских племен, пришедших сюда вместе с огузами;

2) смешанный кыпчакско-огузский письменный язык, сложившийся в XII веке в низовьях Сыр-Дарьи, находит дальнейшее свое развитие и распространение в мамлюкском Египте;

3) в низовьях Волги и в северном Хорезме на основе языка огузско-туркменских племен сложился своеобразный письменный язык s-группы тюркских языков, который испытал влияние языка кыпчакских племен и уйгурской литературной традиции периода правления караханидов и т.д. (Подробнее см.: Наджип Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV века "Гулистан" Сейфа Сарай и его язык. – Алма-Ата: Наука, 1975. – Ч. 1. – С. 16-17).

Памятником этих смешанных языков являются "Мухаббат-наме" Хорезми (Хорезми. Мухаббат-наме, издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н. Наджипа. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961), "Нахдж аль-Фарадис" (J. Eckman. Nehcü'l Feradis: – Ankara, 1956. – T. 1), перевод с персидского поэмы Низами "Хузами "Хосрау и Ширин", выполненный Кутбом (Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале "Хосрау и Ширин" Кутба. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1979 – кн. 1. Zajączkowski A. Najstarsza wersja turecka "Husrâv u Širin" Qutba. Warszawa, I-II, 1958, 1961. – т. 1-3), поэтом Сейфом Сарайи с персидского языка переводится на кыпчакско-огузский поэма "Гулистан" Саади (Наджип Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV века "Гулистан" Сейфа Сарайи и его язык. – Алма-Ата:

Наука, 1975. – Ч. 1-2) и т.д. Арабскими филологами создаются соответствующие грамматики и словари.

Сопоставительное изучение письменных памятников, созданных в Египте на кыпчакско-огузском языке, и памятников, созданных на территории Золотой Орды на этом же языке, обнаруживает, что язык этих памятников в своей основе кыпчакский, испытавший определенное влияние диалектов, входящих в огузскую группу тюркских языков. Следовательно, в XIV веке оформляется во многом общий для Египта и Золотой Орды кыпчакско-огузский литературный язык j-группы.

В основе таких письменных памятников, как "Хосрау и Ширин" Кутба, "Сирадж ал-кулуб" ("Светоч сердец"), среднеазиатский "Тефсир", "Сказания о пророках" Рабгузи (Наджип Э.Н. Датированная рукопись XVI века Сирадж ал-кулуб. – М.: Наука, 1960; Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тефсира XII-XIII вв. – М.: Наука, 1968; Кыссас ал-анбих Рабгузи. – Казан, 1881 – на араб. графике) лежит язык огузских племен, с сильным влиянием кыпчакских диалектов и караханидско-уйгурской литературной традиции. Специалисты этот язык называют огузско-кыпчакским литературным языком Нижнего Поволжья и Хорезма, или же золотоордынско-хорезмийским. Его ареал ограничивался Поволжьем, где он продолжал функционировать вплоть до начала XX века, а в Средней Азии он был вытеснен языком j-группы (Наджип Э.Н. Тюрко-язычный памятник XIV века "Гулистан" Сейфа Сарайи и его язык. – Алма-Ата: Наука, 1975. – Ч. 1. – С. 18).

Государственным языком Золотой Орды был кыпчакский язык, однако, в официальных документах чувствуется достаточно сильное влияние диалектов огузской группы. На такой смешанной кыпчакско-огузской основе в XIV веке сложился смешанный литературный язык, который впоследствии трансформировался в офи-

циальный язык Золотой Орды, более известный как "тюрки Поволжья и Урала".

Из источников на арабском языке, касающихся кыпчакского языка, отметим "Тюркско-арабский словарь", составленный в Египте в 1245 году и изданный голландским тюркологом М.Т. Хоутсма в Лейдене в 1894 году (Houtsma M.Th. Ein türkisch-arabisches Glossar. – Leiden, 1894).

Некоторые ученые термин "кыпчакский" (в составе лингвонима "кыпчакские языки") считают скорее географическим, чем сугубо лингвистическим (см., например: Deny J. L'àrmeno-coman et les Ephémérides' de Kamieniec (1604-1613). – Paris, 1957. – P. 10), и употребляют его для общего названия кыпчакской группы языков в целом (в смысле "западнотюркские", "северо-западные" в нашей отечественной терминологии) и в его составе выделяют собственно "куманскую" (или половецкую) подгруппу, куда включают кроме живых западных кыпчакских языков (включая южные: кумыкский, карачаево-балкарский, караимский, крымско-татарский*; и северные: татарский, башкирский с их диалектами), языки таких письменных памятников, как "Кодекс Куманикус" (который мы далее будем называть "куманским", или "половецким"), текстов тюркоязычных армян ("армяно-куманский", или "армяно-половецкий"), а также караимских текстов ("еврейско-куманский"). Таким образом, язык указанных письменных памятников рассматривается как особый язык в составе юго-западной (куманской, понто-каспийской) группы кыпчакских языков. Из отечественных ученых по отношению к языку указанных письменных памятников применили термины

---

* Здесь и везде, где особо не оговорено, авторы под "крымско-татарским" подразумевают лишь северные (или степные) диалекты этого языка.

"куманский" ("половецкий") Т.И. Грунин (Грунин Т.И. Документы на половецком языке XVI века. Судебные акты каменец-подольской армянской общины. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1967), А.Н. Гаркавец (Гаркавец А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. – Алма-Ата: Наука, 1987) и др.

Мамлюкско-кыпчакские памятники

Важным источником для изучения истории кыпчакских языков является язык так называемых мамлюкско-кыпчакских письменных памятников – арабско-кыпчакских глоссариев, грамматик, а также переводных литературных произведений XIII-XVIII веков, созданных в мамлюкском Египте в течение 250 лет.

В мамлюкско-кыпчакских памятниках Египта отражены элементы кыпчакского и огузского разговорных языков, так как по своему этническому составу тюркскоязычные мамлюки представлены главным образом кыпчакскими и огузскими переселенцами в Египет.

Кыпчакские этноязыковые компоненты попадали в Египет в разное время разными путями и из различных регионов их первоначального расселения. Появление первой волны кыпчакоязычных тюрков в далеком Египте объясняется тем, что их продавали в рабство из южнорусских степей. Вторая волна кыпчаков появилась в Египте в монгольскую эпоху. Спасаясь от монгольских завоевателей, большие массы кыпчакского населения из Дешти Кыпчака бежали в Египет и другие страны Ближнего Востока. И, наконец, третья большая волна кыпчаков проникает в Египет после прихода к власти мамлюков и создания ими обширного государства, охватившего территории Египта, Сирии и некоторых анатолийских районов Малой Азии. В период возвышения мамлюкского государства (1260-1517 гг.) в Египет мигрирует большая группа кыпчакоязычного населения из обширных

регионов Золотой Орды, в составе которой было значительное число родственников правящей мамлюкской династии (Зайончковский А. Арабско-кыпчакский словарь эпохи мамлюков // Сообщения польских ориенталистов. – М., 1961. – Вып. 2. – С. 37-38; Курышжанов А.К. Исследование по лексике "Тюркско-арабского словаря". – Алма-Ата; Наука, 1970. – С. 17-19 и др.).

В мамлюкском Египте широкое распространение получил кыпчакский язык, так как правители государства мамлюков говорили на тюркском (кыпчакском) языке, поэтому многие местные арабы, стремясь заслужить расположение своих правителей, овладевали кыпчакским языком. К тому же правители мамлюкского государства также не могли обходиться без переводчиков с арабского языка. В результате сложения таких сложных культурно-языковых взаимоотношений в мамлюкском государстве многие арабоязычные сочинения переводились на тюркский язык и, наоборот, с тюркского на арабский. Таким образом возникали арабско-кыпчакские грамматики и глоссарии.

Язык мамлюкско-кыпчакских письменных памятников, по утверждению специалистов, не был чем-то единым и однообразным. В мамлюкском государстве, помимо подавляющей массы кыпчаков, обитали и другие тюркские племена, в частности – огузы, туркмены и др. Так, составитель анонимного "Тюркско-арабского словаря" (Китаб-и меджму-у терджуман тюрки ве 'аджами ве моголи ве фарси" – "Общая книга толкования тюркско-персидского и монгольско-персидского языков") неоднократно подчеркивает, что ему известно несколько тюркских наречий – "чисто тюркский" (ал-тюрки), или "тюркско-кыпчакский" (ал-кифчаки) и туркменский (ал-тюркменийа). "Чисто тюркским", или "тюркско-кыпчакским", автор называет собственно кыпчакский (в современном понимании) язык и в основном занимается

им, а второй язык рассматривает как смешанный, содержащий в себе много заимствованных арабских и персидских элементов, и обращается к нему как к дополнительному объекту исследования (Курышжанов А.К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. – "Тюркско-арабского словаря". – Алма-Ата, 1970. – С. 16). Надо отметить, что в XIII веке термины "кыпчак" и "тюрк" зачастую употреблялись в качестве равнозначных синонимов и замещали друг друга (См.: Зайончковский А. К изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI-XVI вв.) // Вопросы языкознания. – М., 1967. - № 6. – С. 83).

Венгерский исследователь Т. Халаши-Кун в языке мамлюкско-кыпчакских письменных памятников устанавливает по крайней мере три диалекта тюркских языков: 1) собственно-кыпчакский; 2) собственно огузский и 3) смешанный кыпчакско-огузский (Halasi-Kun T. Die mameluk-kiptschakischen Sprachstudien und die Handschriften in Stambul // Kőrösi Csoma Archivum. – Bedapest, 1940. – Bd. 3. – Th. 1 – S. 80-83). К такому же выводу пришли и другие исследователи языка мамлюкско-кыпчакских памятников, в частности, О. Прицак (Pritsak O. Das kiptschakische // Philologiae Turcicae Fundamenta. – Wiesbaden, 1959. – T. 1. – S. 74-75), А.К. Курышжанов (Курышжанов А.К. К истории изучения разговорной речи кыпчаков XIII-XIV вв. // Известия АН Казахской ССР: Серия общественная. – Алма-Ата, 1970. - № 6. – С. 53-54) и др.

К мамлюкско-кыпчакским письменным памятникам тюркских языков средневековой эпохи, в первую очередь, относятся лексикографические и грамматические работы, выполненные в мамлюкском государстве и датируемые XIII-XIV веками. Они выполнены в арабском государстве мамлюков арабскими и тюркскими учеными-филологами средневековья. Эти уникальные памятники

кыпчакского и огузского тюркских языков являются важными источниками для реконструкции фонетической системы пракыпчакского (resp. пратюркского) языка и изучения истории формирования и развития ряда современных тюркских языков, входящих в кыпчакскую и огузскую группы.

Среди мамлюкско-кыпчакских письменных памятников в рамках настоящего исследования особого внимания заслуживают такие труды арабских и тюркских филологов, как анонимный "Китаб-и Меджму-у терджуман тюрки ве аджами ве моголи ве фарси" ("Общая книга толкования тюркского, монгольского и персидского языков"), "Китӣб-у булгат ал-муштӣк фи лугат ат-тюрк в-ал-кыфчак" ("Книга, достаточная для удовлетворения желаний знать тюркские и кыпчакские языки") Джамал аддина Абу-Мухаммеда Абдуллаха ат-Тюрки, "Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак" ("Книга толкования о языке тюрок") знаменитого арабского ученого-энциклопедиста Асир-уд-Дина Абу-Хаййӣна ал-Андалуси, "Китаб ат-тухфат уз-закиййа фи-л-лугат ит-тюркиййа" ("Приятный подарок для изучения тюркского языка", более известного под названием "Изысканный дар тюркскому языку") (См.: Изысканный дар тюркскому языку (Грамматический трактат XIV века на арабском языке): Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э.И. Фазылова и М.Т.Зияевой. – Ташкент: Фан, 1978), анонимного "Ал-каваин ал-куллия ли-дабт ал-лугат ат-тюркиййя" ("Полное руководство для обладания языком тюрок", или "Полное пособие для изучающих тюркский язык") и др.

Междиалектные особенности, зафиксированные в указанных письменных памятниках XIII-XV веков, являются важными источниками для изучения истории и развития фонетического строя современных кыпчакских языков, с одной стороны, а также для корректировки и верифика-

ции пракыпчакских внутренних реконструкций – с другой. Историко-лингвистические исследования языка мамлюкско-кыпчакских письменных памятников показывают историческую преемственность между ними и половецкими (куманскими, кыпчакскими) и живыми современными языками, закономерно и обоснованно объединяемыми в единую кыпчакскую ветвь тюркской семьи языков (См.: Сауранбаев Н.Т. Некоторые черты древнекыпчакского языка // Вестник АН Казахской ССР. – Алма-Ата, 1948. - № 12. – С. 11-18; Тенишев Э.Р. Место кыпчакского языка (половецкого, куманского) и печенежского среди современных тюркских языков // Известия АН Казахской ССР: Серия общественная. – Алма-Ата, 1970. - № 5. – С. 78-81 и др.). В связи с этим со всей очевидностью следует несколько подробнее остановиться на специфических особенностях языка мамлюкско-кыпчакских письменных памятников. Такой филологический экскурс в природу языковой основы этих памятников чрезвычайно важен в рамках настоящей работы, посвященной реконструкции пракыпчакской фонетической системы, ибо языки мамлюкско-кыпчакских письменных памятников в основном являются смешанными "кыпчакско-огузскими", и для корректности предполагаемых реконструкций пракыпчакских фонем чрезвычайно актуальна проблема чистоты и надежности репрезентативного эмпирического материала.

"Китаб-и Меджму-у терджуман тюрки ве эджеми ве моголи ве фарси" ("Общая книга толкования тюркского, монгольского и персидского языков") – замечательный лексикографический двуязычный памятник XIII века, в котором зафиксирован в основном диалект западно-кыпчакского (или куманского) языка с некоторыми элементами огузского типа. Автор данного труда неизвестен.

Оригинал рукописи данного памятника хранится в Лейденской библиотеке в Голландии. Рукопись оригинала так называемого "Тюркско-арабского словаря" состоит из 76 листов большого формата. В рассматриваемом нами памятнике после тюркско-арабского словаря содержатся также монголо-персидский и арабско-монгольский словари. По некоторым исследованиям специалистов, данный лексикографический труд относится к середине XIII века. Так, например, М.Т. Хоутсма предполагает, что составление данного многоязычного словаря было завершено 28 января 1245 года (27 ша'бана 643 года по хиджре) в Египте или, возможно, в Сирии.

В рассматриваемом нами в качестве одного из важных источников для реконструкции пракыпчакской фонологической системы памятников данный "Словарь" в основном содержит лингвистические сведения, близкие к известным памятникам западно-кыпчакского ареала и к современным кыпчакским языкам юго-западной (куманской, понто-каспийской) группы. Уже одно это свидетельствует о том, что западно-кыпчакские (половецко-кыпчакские – по терминологии Н.А. Баскакова) языки по своему фонетическому строю стоят относительно близко к более ранним диахроническим уровням, вплоть до пракыпчакского состояния.

Поскольку в мамлюкское государство переселялись и значительные группы тюркского населения, говорившего на огузских диалектах, в частности, исторические предки современных туркмен, турок, азербайджанцев и др., то в языке данного памятника представлены и слова, содержащие явно огузский (или уйгурский) прототип, а также опосредованные персидским языком арабизмы и собственно фарсизмы, которые оказали определенное влияние на все строевые уровни средне-кыпчакского языка. Практически все исследователи данного памятника отмечают в его языке явно огузские строевые элементы, чуждые

для кыпчакского языка. Такое положение вещей относительно данного памятника сужает наши возможности в реконструкции пракыпчакского фонетического состояния. Поэтому письменные памятники кыпчакского языка мамлюкской эпохи, как, например, "Тюркско-арабский словарь" и др. требуют предварительной лингвистической верификации репрезентативного эмпирического материала не только на уровне лексики, но и со стороны компаративистских данных, добытых современным тюркским языкознанием на всех строевых уровнях языка, в том числе, и фонетики. Надо признаться, что из-за чрезвычайной близости разных ветвей и групп (подгрупп) древних и новейших тюркских языков на всех уровнях своих строевых элементов, в том числе и фонетики, чрезвычайную актуальность приобретает разработка методики выделения специфических фонетических особенностей каждого из отдельных языков, в том числе не только живых, но и языков письменных памятников.

В тюркологической литературе существуют различные точки зрения на истинную природу языка, легшего в основу данного памятника. По мнению авторитетнейшего и бескомпромиссного исследователя языковых особенностей тюркоязычных письменных памятников средневековой эпохи Э.Н. Наджипа, "Китаб-и Меджму-у терджуман тюрки ве эджеми ве моголи ве фарси", лингвистический труд, более известный под сокращенным названием "Тюркско-арабский словарь" был составлен неизвестным филологом в Египте еще до прихода к власти мамлюков. Данный арабско-тюркский лексикографический труд содержит около 1260 тюркских слов, из которых только около 70 снабжены пометками "туркменское" (т.е. "огузское"). Естественно, в основе данного словаря лежит тюркский язык (западно) кыпчакского типа.

Впервые этот замечательный памятник тюркской лексикографии появился в свет благодаря стараниям круп-

ного голландского ориенталиста-тюрколога, ираниста и арабиста М.Т. Хоутсма. "Тюрско-арабский словарь" (по Лейденской рукописи) впервые увидел свет в его издании. М.Т. Хоутсма тщательно изучил языковые особенности этого памятника и опубликовал его текст в латинской транскрипции, снабдив его прекрасным немецким переводом (Ein türkisch-arabisch Glossar: Nach der Leidener Handschrift / Herausgegeben und erlautert von M.Th. Houtsma. – Leiden; E.I. Brill, 1894). Из отечественных исследователей советского периода много сил, труда и времени посвятил изучению языка этого замечательного памятника известный узбекский тюрколог А. Юнусов, который тщательно изучил морфологию и лексику данного памятника (Юнусов А. Исследование памятника XIV в. "Таржуман турки ва 'аджами ва мугали" (морфология, лексика, словарь, перевод) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1973).

В аспекте исследования фонетического строя пракыпчакского языка было бы методологически недостаточно правомерным использование репрезентативного языкового материала данного смешанного по своей природе памятника в качестве опорных или аргументативных фактов. Тем не менее материалы данного письменного памятника дают прекрасный эмпирический материал для перекрестной корректировки предпринимаемых нами "внутренних" реконструкций.

"Китаб-у булгат ал-муштак фи лугат ат-турк в-ал-кыпчак" ("Книга, необходимая для удовлетворения желания познать тюркский и кыпчакский языки") – замечательный письменный памятник истории тюрских языков, рожденный благодаря усилиям Джамал-ад-Дина Абу-Мухаммеда Абдуллаха ат-Турки. Рукопись этого труда хранится в настоящее время в Национальной библиотеке Франции в Париже.

Дата написания этого памятника до сих пор не установлена, но специалисты относят его к середине XIV века. По мнению польского исследователя А. Заянчковского, данный труд скорее всего был составлен в середине XIV века в Сирии.

Памятник этот был издан польским языковедом Ананием Зайончковским (Zajączkowski A. Slownik arabsko-kipczakski okresu Panstwa mameluciego BulWat al-muštag fi'luWat at-turk wa l-gifžaq. – Warszawa, 1954. Cz. II; его же. Vocabulaire arabe-kiptchak de l'epoque de l"Etet Mamelouk "BulWat al-muštag fi'luWat at-turk wa l-gifžaq" Warszawa, 1958. – I part).

В языковом отношении этот памятник довольно сложный, в нем наряду с чисто кыпчакскими материалами сочетаются и огузские факты, поэтому использование материалов этого документа для внутренней реконструкции пракыпчакской фонетической системы весьма проблематично.

Как это установлено выдающимся специалистом в области языка средневековых тюркских письменных памятников Э.Н. Наджипом, в данном труде представлены материалы как кыпчакского, так и огузского языков, однако "в словаре туркменско-огузских слов больше кыпчакских" (Наджип Э.Н. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века / Автореф. дис… докт. филол. наук. – М., 1965. – 31 с.). Всестороннее изучение этого памятника принадлежит замечательному узбекскому тюркологу Ш.А. Файзуллаевой (Файзуллаева Ш.А. Исследование языка памятника XIV века "Китабу булгат ал-муштак фи лугат ат-турк вал-кифчак" Джамал ад-дина Ат-Турки: (Грамматика, лексика, глоссарий и перевод памятника) // Автореф. дис. ... канд филол. наук. – Ташкент, 1969).

Материалы этого памятника, несмотря на его смешанный характер и противоречивость языковых (в первую оче-

редь – фонетических: огузский? кыпчакский?) материалов, имеют определенную фактологическую ценность при реконструкции пракыпчакской фонетической системы.

"Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак" ("Книга – толкование о языке тюрок"), написанный знаменитым арабским ученым Асируддином Абу-Хаййаном ал-Андалуси в 1312 году в Каире, содержит богатый материал по кыпчакско-огузскому смешанному языку мамлюкских тюрок. Эта замечательная работа Абу-Хаййана дошла до нас в двух поздних копиях, ныне хранящихся в Стамбуле. Имеется несколько изданий труда Абу-Хаййана (Caferoglu A. Abû-Hayyan: Kitab al-Idrak li-Lisan al-Atrak. – Istanbul, 1936). Исследованию особенностей языка этого памятника посвящены работы Н.А. Расуловой (Расулова Н.А. Исследование языка "Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак" Абу-Хаййана (морфология, лексика, глоссарий) / Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Ташкент, 1969), М.Н. Маженовой (Маженова М.Н. Абу-Хаййан – исследователь кыпчакского языка. (Материалы к истории казахского языка) / Афтореф. дисс. … канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1969) и др.

Словарь Абу-Хаййана содержит около 3500 тюркских слов, многие из которых снабжены пометками, указывающими на их диалектную принадлежность: кыпчакский, огузский, тюркский, туркменский, татарский, уйгурский, туркестанский и т.п. В виду такой чрезвычайной пестроты лингвистического материала, при реконструкции пракыпчакской фонетической системы данными словаря Абу-Хаййана следует пользоваться с большой осторожностью. Поэтому в данной работе материалы Абу-Хаййана используются крайне редко.

"Китаб ат-тухфат аз-закиййа фи-л-лугат ат-туркиййа" ("Изысканный дар тюркскому языку") – грамматический трактат неизвестного арабского автора XIV века, посвященный изучению языка мамлюкских

кыпчаков. Полагают, что данный труд был создан в Египте или в Сирии. Некоторые исследователи считают, что "Изысканный дар тюркскому языку" был создан в Египте, а его составитель был выходцем из Сирии, либо долгое время жил в Сирии. К такому мнению ученые пришли в ходе изучения лингвистических особенностей арабской части рукописи, содержащих явно выраженные особенности сирийских диалектов арабского языка.

Рукопись данного труда хранится в Стамбуле. Трактат состоит из краткого фонетического введения, арабско-тюркского словаря, содержащего около 3 тысяч слов и грамматического очерка тюркского языка. В настоящее время имеется несколько изданий этого уникального в своем роде труда (Halasi-Kun T. La langue de Kiptchaks d'aprés un manuscript arabe d'Istanbouls. – Badapest, 1942; Ettühfet-üz-zekiyye fil-lûgat-it-Türkiyye / Çeviren Besim Atalay. – Istanbul, 1945; Аттухфатуз закияту филлуғатит туркия [Туркий тил (йипчой тили) хакида ноёб тухфа] / Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М. Муталлибов. – Ташкент, 1968). В 1978 году в Ташкенте был осуществлен русский перевод данного труда, подготовленный узбекскими тюркологами Э.И. Фазыловым и М.Т. Зияевой (Изысканный дар тюркскому языку: (Грамматический трактат XIV в. на арабском языке) / Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э.И. Фазылова и М.Т. Зияевой. – Ташкент: Фан, 1978). В данном памятнике, посвященном описанию языка мамлюкских кыпчаков, имеется также сравнительный материал по ряду тюркских языков и диалектов – туркменского, карлукского, татарского и др.

"Ал-каванин ал-куллия ли-дабт ал-лугат ат-туркиййа" ("Полное руководство для изучающих тюркский язык") – труд неизвестного автора, состоящий из грамматического очерка и небольшого словаря объемом около 500 слов. Исследователи данного труда полагают,

что он создан на рубеже XIV-XV веков в Египте и содержит материалы смешанного кыпчакско-туркменского языка тюрков, переселенных в Египет из южнорусских степей. В настоящее время в распоряжении тюркологов имеется два издания этого уникального в своем роде труда, выполненные Килисли Рифатом (Rifat K. Al-qawanin al-kulliya li-dabt al-lugat at-turkiya. – Istanbul, 1928) и С. Телегди (Telegdi S. Eine türkische Grammatik in arabischen Sprache aus dem XV. Jhat. // Körösi Csoma Archivum. – Budapest, 1937. – Hf. 3. – S. 282-326).

Уже из такого беглого обзора мамлюкско-кыпчакских письменных памятников видно, что в языковом отношении практически все они являются смешанными и помимо собственно кыпчакского материала содержат многочисленные элементы других, в первую очередь, огузских, тюркских языков. Лингвистический материал мамлюкско-кыпчакских памятников чрезвычайно важен для изучения истории кыпчакских языков XIII-XV веков, однако, из-за своего смешанного характера, требует предельно осторожного обращения с ним в процедуре реконструкции пракыпчакской фонетической системы.

Надо также отметить, что все мамлюкско-кыпчакские памятники созданы на арабской графической основе, а арабская графика, содержащая всего три знака для обозначения гласных, мало пригодна для передачи всего звукового богатства тюркских языков, в частности, вокализма. Точное траскрибирование тюркских слов из арабографических источников, из-за отсутствия огласовки и других побочных факторов, бывает весьма затруднительным. В существующих публикациях, по известным причинам, связанным со своеобразными особенностями арабского письма (ограниченным количеством графических знаков для обозначения гласных звуков, или их отсутствием, передачей нескольких согласных звуков одним и тем же знаком и т.д., и т.п.), часто одно и то же

слово разными исследователями транскрибируется в самых различных вариантах. Такое положение вещей вынуждает нас крайне осторожно вовлекать в корпус основного исследования репрезентативный эмпирический материал практически почти всех письменных памятников кыпчакского языка (и не только арабографичных). Более надежными источниками для реконструкции пракыпчакского состояния представляются данные современных кыпчакских языков, поэтому в своих реконструкциях мы в основном опираемся на данные живых языков, а к письменным памятникам прибегаем только в необходимых случаях.

Разумеется, и живые кыпчакские языки представляют собой не нечто однородное, стерильное. За многовековую историю своего развития практически все кыпчакские языки неоднократно вступали в разного рода контакты со многими другими тюркскими (булгарскими, огузскими, карлукскими и т.д.), а также иносистемными языками, что не могло не сказаться и на фонетическом строе каждого отдельного языка. Однако надо иметь в виду, что звуковые субституции в заимствованных словах, по-видимому, в каждом языке подчиняются определенным закономерностям и не носят случайного характера. Звуковые субституции являются результатом приспособления заимствованного слова к новой фонологической системе, в которой дифференциальные признаки фонем сочетаются несколько иначе, чем в языке-доноре. Сказанное особо важно в отношении к заимствованиям из близкородственных языков, каковыми являются большинство тюркских языков. Так, например, даже относительно поздние огузские проникновения в татарском языке в звуковом отношении, как правило, полностью перестраиваются согласно законам фонетики татарского языка, не внося в его фонетический строй какие-либо существенные фонологические сдвиги и изменения. В

необходимых случаях иноязычные вкрапления можно выделить по морфологическим, лексико-семантическим, ареально-географическим, историко-культурологическим критериям и исключить из корпуса исследования.

Что же касается письменных памятников смешанного (кыпчакско-огузского, кыпчакско-уйгурского и др.) характера, то в них как бы собран материал из двух параллельно существовавших языков и фонетической адаптации между ними не наблюдается. Все это накладывает определенные ограничения на использование материалов смешанных письменных памятников в исследованиях, направленных на реконструкцию фонетического строя праязыкового уровня.

Codex Cumanicus

Материалов, относящихся к письменным памятникам кыпчакского языка домонгольского периода немного. Незначительные материалы кыпчакского (половецкого, куманского) языка представлены в замечательном словаре Махмуда Кашгарского "Дивану лугат ит-тюрк" ("Диван тюркских языков", "Собрание тюркских языков", "Словарь тюркских языков"), относящемся ко второй половине XI века (1072-1074 гг.) (Махмуд Кошғарий. Девону луғатит тюрк: Уч томлик, Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М. Муталлибов. – Тошкент, 1960. – т. 1; 1961. – т. 2; 1963. – т. 3; 1967. – т. 4), в русских летописях (главным образом ономастическая лексика), а также в венгерских хрониках.

Крупнейшим письменным памятником кыпчакского (половецкого, куманского) разговорного языка золотоордынского периода является "Кодекс Куманикус", который является замечательным источником в компаративном изучении истории становления и развития практически всех современных языков кыпчакской группы.

"Кодекс Куманикус" (Codex Cumanicus) был создан в конце XIII – начале XIV вв. францисканскими миссионерами, путешествовавшими по южнорусским степям до низовьев Волги, в качестве пособия по разговорной речи кумано-половцев или, по современной терминологии, кыпчаков. Рукопись "Куманского Кодекса" была обнаружена в библиотеке собора св. Маркуса в Венеции среди драгоценностей особого рода. Поэт и библиофил Ф. Петрарка в свое время получил его от некоего Антониуса Финале, и в 1362 году вместе с другими своими книгами подарил республике Венеция.

Время и место написания рукописи "Кодекс Куманикус" до настоящего времени досконально не установлены. Полагают, что она была составлена между 1303 (дата, указанная в самой рукописи) и 1362 годом (время передачи ее Ф. Петраркой в Венецианскую библиотеку) (Курышжанов А.К., Репин Б.И. К истории изучения языка древнекыпчакских памятников XIII-XVII вв. // Известия АН Казахской ССР. Серия общественная. – Алма-Ата, 1966. - № 4. – С. 38-39; Чеченов А.А. Язык памятника XIV века Codex Cumanicus в ареальном освещении. – М.: Наука, 1978; Gabain A.M. von Die Sprache des Codex Cumanicus // Philologiae Turcicae Fundamenta. – Wiesbaden, 1959. – T. 1 – S. 46-73).

По мнению Д.А. Расовского, дошедшая до наших дней рукопись "Кодекс Куманикус" является копией древнего оригинала, восходящего к XII веку (Расовский Д.А. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus // Seminarium Kondakovianum. – Prague, 1929. – T. 3. – с. 207-212).

"Кодекс Куманикус" состоит из двух частей: первую его часть составляет латинско-персидско-куманский словарь, а вторую – переводы отрывков произведений христианско-религиозного содержания на куманский (половецкий, кыпчакский) язык, примеры разговорной речи, тексты светского содержания, а также куманские загадки.

Исследователи полагают, что авторы-составители "Кодекса" преследовали сугубо практические цели и подготовили своеобразное учебное пособие для изучения куманского языка жителями итальянских колоний. Действительно, итальянские купцы постоянно сталкивались с персами и половцами и нуждались в пособиях по языкам этих народов.

Полагают, что "Кодекс Куманикус" был создан в Солхате (Эски Кырым, Старый Крым), который в XIII веке стал одним из цветущих городов Причерноморско-Каспийской области, а в золотоордынскую эпоху еще и резиденцией наместника ордынского хана. Кроме этого О. Блау местом создания "Кодекса" предполагал "торговые центры Приазовья", а С. Иречек, более конкретно, Кафу или "вообще Крым" (Расовский Д.А. К вопросу о происхождени Codex Cumanicus // Seminarium Kondakovianum. – Prague, 1929. – Т. III. – С. 207-212).

Современная тюркология обладает несколькими изданиями "Куманского Кодекса" на французском, немецком, латинском, русском и других языках.

Первое издание "Кодекс Куманикус" на французском языке было осуществлено Г.Ю. Клапротом еще в 1828 году под названием "Латинско-персидско-команский словарь из библиотеки Франциска Петрарки" (Klaproth J. Vocabulaire latin, persan et coman de la bibliotheque de Francesce Petrarcha // Memoires relatifs à l'Asie. – Paris, 1828. – III. – P. 113-256).

Следующее издание этого ценного памятника куманского языка принадлежит венгерскому ученому Геза Кууну, который опубликовал его в 1880 году на латинском языке под названием "Кодекс Куманов из бибилиотеки при соборе святого Марка Венецианского" (Kuun G. Codex Cumanicus bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum. – Budapest, 1880).

В 1887 году В.В. Радлов издал данный памятник (в неполном виде) на немецком языке под названием "Тюркские языковые материалы Кодекса куманов", причем материал был подан на кириллической транскрипционной основе (Radloff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. – SPb., 1887).

Огромный вклад в дальнейшее изучение "Кодекса куманов" внес датский ученый К. Грёнбек, которому тюркология обязана двумя изданиями этого уникального памятника. Первое факсимильное издание увидело свет в 1936 году (Grønbech K. Codex Cumanicus: In Faksimile / Herausgegeben mit einer Einleitung von K. Grønbech. – Kopenhagen, 1936). В 1942 году К. Грёнбек осуществил второе издание этого памятника на немецком языке под названием "Команский словарь: Индекс тюркских слов по Кодекс Куманикус" (Grømbech K. Komanisches Wörterbuch. Fürkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. – Køpenhagen: Einar Munksgaard – 1942).

Имеется также казахское издание "Кодекса куманов" (Кенесбаев С.К., Курышжанов А.К. О новом издании "Кодекс Куманикус" в Казахстане // Известия АН Казахской ССР. Сер. общественных наук. – Алма-Ата, 1964. – Вып. 3. – С. 35-45).

Языковые особенности "Кодекс Куманикус" в настоящее время исследованы достаточно хорошо и нет сомнения в том, что этот язык относится к кыпчакской группе тюркских языков (Чеченов А.А. Половецкий язык // Языки мира: Тюркские языки. – Бишкек: Изд. Дом "Кыргызстан", 1997. – С. 110-116; его же. Язык памятника XIV века Codex Cumanicus в ареальном освещении. – М.: Наука, 1978). К такому выводу приходили практически все исследователи этого ценного памятника.

Вместе с тем, при углубленном изучении специфических особенностей отдельных ветвей или представителей кыпчакских языков естественно возникает вопрос о род-

ственных взаимоотношениях между языком "Куманского кодекса" и современными кыпчакскими языками, с одной стороны, и о степени чистоты самого языка этого памятника.

Библиография работ, посвященных исследованию языковых особенностей памятника "Кодекса Куманикус" весьма обширна и трудно поддается обзору. Однако для данного исследования это не столь важно, и поэтому достаточно ограничиться обзором основных работ.

Описанию языка "Кодекса" и исследованию специфических особенностей его строевых уровней посвящены работы как отечественных, так и зарубежных ученых-тюркологов, среди которых следует особо отметить исследования В.В. Радлова (Радлов В.В. О языке куманов: По поводу издания Куманского словаря // Записки Императорской Академии наук. – СПб., 1884. – Т. 48. – Кн. 2. - № 4. – 53 с., С.Е. Малова (Малов С.Е. К истории и критике Codex Cumanicus „ Известия АН СССР. 7 сер. М., 1930. - № 5, с. 347-375), А.М. фон Габен (Gaben A.-M. von. Die Sprache des Codex Cumanicus // Philologiae Turcicae Fundamenta. – Wiesbaden, 1959. – T. 1. – S. 46-73), А.К. Курышжанова (Курышжанов А.К. Язык старокыпчакских письменных памятников XIII-XIV века / АДД. – Алма-Ата, 1973. – С. 3-15 и др.), Э.Р. Тенишева (Тенишев Э.Р. Место кыпчакского (половецкого, куманского) и печенежского языков среди современных тюркских языков // Известия АН Казахской ССР: Серия филологическая. – Алма-Ата, 1975. - № 5. – С. 78-81), А.Н. Гаркавец (Гаркавец А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. – Алма-Ата, Наука, 1987), а также автора этих строк (Чеченов А.А. Язык "Codex Cumanicus" и его отношение к современным западно-кыпчакским языкам / АКД. – М., 1979. – 19 с.) и др.

В ходе изучения языка "Кодекс Куманикус" в тюркологической науке возникли различные предположения о

характере языка самого этого памятника, а также об историко-генетических взаимоотношениях языка данного памятника с живыми тюркскими языками различных ветвей кыпчакской и других групп.

Для нашей работы чрезвычайно важно установить хронологическое место языка "Кодекс Куманикус" и определить преемственные связи данного языка с современными тюркскими языками вообще и кыпчакскими – в первую очередь. Это вынуждает нас более или менее подробно останавливаться на существующих в специальной филологической литературе подходах к данным проблемам.

Один из первых исследователей особенностей языка "Кодекс Куманикус" О. Блау, без достаточных на то оснований, высказал предположение о том, что куманский (половецкий, кыпчакский) язык в родственном отношении стоит ближе всего к чагатайскому языку (Blau O. Über Volksthum und Sprache der Komanen // Zeitschrift der Duetschen Morgenländischen Gesellschaft. – Leipzig. 1976. – T. 29. – S. 555-587).

Отечественный тюрколог В.В. Радлов, тщательно изучив специфические фонетические особенности куманского (половецкого, кыпчакского) языка, убедительно показал его причастность к западным тюркским наречиям и сблизил с мишарским (диалектом татарского языка). (Радлов В.В. О языке куманов: По поводу издания Куманского словаря // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. Сер. VIII. – СПб., 1884. – Т. 48. – Прил. 1. – С. 52-53). Однако это предположение не нашло поддержки среди отечественных и зарубежных тюркологов и вскоре В.В. Радлов отказался от своей гипотезы. В последующей работе он настаивал на том, что язык "Кодекс Куманикус" генетически наиболее близок к языку караимов и крымских татар (имеется в виду северный или степной диалект крым-

скотатарского языка) (Radloff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Classe des sciences historico-philologiques. Ser. VIII. – SPb., 1887. – T. 35. - № 6. – P. 6).

Еще в 1919 году профессор Н.В. Никольский высказал предположение о генетической близости между куманским (половецким, кыпчакским) и казанско-татарским языками (Никольский Н.В. Половцы и татары // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1919. – Т. 30. – Вып. 2.). Истинный смысл этого высказывания, очевидно, состоит в том, что Н.В. Никольский имел в виду определенную историческую преемственность между средневековыми половцами и современными (казанскими) татарами (видимо, включая сюда и мишарей) и, следовательно, их языками. Сближения Н.В. Никольского относятся к более высоким таксономическим уровням, чем языки, т.е. к уровням лингвистических подгрупп или даже групп.

Профессор Ж. Дени одним из первых среди тюркологов высказал предположение об исторической преемственности между отраженным в памятнике "Кодекса Куманикус" кыпчакским (куманским, половецким) языком и современными западно-кыпчакскими языками – кумыкским, караимским и некоторыми говорами крымско-татарского языка (имеются в виду северные или степные диалекты последнего), а также языком армяно-кыпчакских памятников XVI-XVII веков (Deny J. Les indication sur des textes inédits en turc-kiptchak ou kiptchak-coman // Journal Asiatique. – Paris, 1921. – Ser. II. – T. 68. – P. 134-135).

Академик А.Н. Самойлович в своих работах показал, что язык куманов (половцев) имеет много общего, прежде всего, с живыми языками западно-кыпчакской группы – кумыкским, карачаево-балкарским и крымско-

татарским (под крымско-татарским он имел в виду северный или степной диалект этого языка, сохранивший архаичный кыпчакский строй, в отличие от огузированного южного) и считал "Кодекс Куманикус" историческим письменным памятником именно этой группы тюркских языков (Самойлович А.Н. Кавказ и турецкий мир // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. – Баку, 1926. - № 2. – С. 3-9); см. также: его же. Рец.: Н.А. Караулов. Краткий очерк грамматики языка "болкар" [Напечатано в "Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа". – Тифлис, 1912. – Вып. 42. – А. 4)] // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. – СПб., 1912. – Т. 21. – Вып. 4. – С. 0152-0161).

Обоснованное мнение академика А.Н. Самойловича было поддержано Б.В. Чобан-заде, который высказался о генезисе кумыкского (половецкого, кыпчакского) и куманского языков и об исторической преемственности между ними (Чобан-заде Б.В. Предварительное сообщение о кумыкском наречии // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1925. - № 1. – С. 36-40). Таким образом, в тюркской филологии постепенно утверждается вполне обоснованное положение, согласно которому языку "Кодекс Куманикус" наиболее близкими оказываются те кыпчакские языки, которые по современным классификационным таксонам объединяются в кыпчакско-половецкую (по Н.А. Баскакову), или понто-каспийскую (по классификационной схеме А.М. Щербака) подгруппе кыпчакских языков.

Близость языка "Кодекс Куманикус", т.е. куманоловецкого языка к караимскому, а также кумыкскому и крымско-татарскому, с одной стороны, и к языку армянокыпчакских памятников (подробнее об их языке будет сказано ниже) – с другой была констатирована также Ж. Дени (Deny J. Les indications sur des textes inédits en

turc-kiptchak ou kiptchak-coman // Journal Asiatique. – Paris, 1921. – Ser. II. – T. 68. – P. 134-135) и поддержано профессором Т. Ковальским (Kowalski T. Karaimische Texte im Dialekt von Troki. – Krakow, 1929. – S. 59-67).

О генетической близости строевых элементов куманского языка (по данным "Кодекс Куманикус") к армяно-половецкому (армяно-кыпчакскому), а также об их общности на уровнях фонетики и грамматики писали также Г.И. Грунин (Грунин Т.И. Документы на половецком языке XIV века: (Судебные акты каменец-подольской армянской общины). – М.: Наука: Гл. ред. вост. лит-ры, 1967. – С. 111-112) и А.Н. Гаркавец (Гаркавец А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. – Алма-Ата: Наука, 1987).

В своей обстоятельной работе, посвященной изучению языка "Кодекс Куманикус" А.М. фон Габен выделяет ряд общих элементов данного памятника и "современных наречий, функционирующих в районах бывшей золотоордынско-кыпчакской империи, а также казанско-татарского и караимского языков". Она считает уместным назвать язык "Codex Cumanicus" татарским или, вернее, старотатарским (Gabain F.M. von Die Sprache des Codex Cumanicus // Philologiae Turcica Fundamenta. – Wiesbaden, 1959. – T. 1. – S. 47-48). При этом надо заметить, что для нас остается непонятным, в каком значении употребляет термин (старо)татарский А.М. фон Габен: в широком (в смысле "тюркский", "западно-тюркский", "кыпчакско-тюркский"?) или в узком (в смысле "татарский", "поволжско-татарский", "казанско-татарский"?).

Н.А. Баскаков рассматривает кыпчакский (куманский, или половецкий) язык как один из древних языков кыпчакско-половецкой подгруппы тюркских языков. Из современных языков в эту же подгруппу он включает караимский, кумыкский, карачаево-балкарский и крымско-татарский языки. (Баскаков Н.А. Введение в изучение

тюркских языков. – М.: Высш. шк., 1969. – С. 272-281; ср. также: его же: Тюркские языки. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. – С. 145-155; его же: Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высш. шк., 1962. – С. 229-240).

Вместе с тем, в тюркологии были предприняты попытки сближения куманского языка с восточно-кыпчакскими (кыпчакско-ногайскими, или аралокаспийскими) языками, при этом исследователи опирались на ряд в общем то несущественных фонетических и морфологических признаков (например, соответствие куманского *g* и *γ* соответственно *j* и *w* – в зависимости от качества окружающих гласных; близкие формы спряжения и склонения и т.д.). (См., например, работы: Малов С.Е. Каракалпакский язык и его изучение // Каракалпакия: Труды I Конференции по изучению производительных сил Каракалпакской АССР. – Нукус, 1934. – Т. 2. – С. 200-207; его же. К истории казахского языка // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. М., 1941. - № 3. – С. 97-101; Сауранбаев Н.Т. Некоторые черты древнекипчакского языка // Вестник Академии наук Казахской ССР. – Алма-Ата, 1948. - № 12. – С. 11-18; Э.Р. Тенишев. Место кыпчакского (половецкого, куманского) и печенежского языков среди современных тюркских языков // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественная. – Алма-Ата, 1970. - № 5. – С. 78-81 и др.). Однако следует подчеркнуть, что приводимые этими авторами фонетические и морфологические параллели скорее всего имеют аналогический (или типологический) характер, и, следовательно, не могут указать на гомогенность приводимых соответствий. Давно установлено, что не только в родственных, но и в иносистемных языках одинаковые звуковые комплексы в соответствующих условиях могут давать совершенно одинаковые рефлексы. Вместе с тем в языках западно-кыпчакской (канглыйской, или аралокаспийской) подгруппы выявляется довольно много ав-

тономных фонетических и морфологических особенностей, отличных от языков западно-кыпчакской (куманской, или понто-каспийской) подгруппы, которые никак нельзя выводить из куманского или западно-кыпчакского. В случаях совпадения восточно-кыпчакских и западно-кыпчакских, включая сюда и язык "Кодекс Куманикус", форм логичнее всего предполагать об аналогичном развитии пракыпчакских форм в обеих этих ветвях кыпчакских языков. Судя хотя бы по хронологическим параметрам, язык "Кодекс Куманикус" никак не может претендовать себя на место общего предка всех существующих ныне кыпчакских языков. Репрезентативный эмпирический материал современных кыпчакских языков показывает, что к западно-кыпчакским языкам в историко-генетическом смысле наиболее близко стоят северо-кыпчакские (точнее – казанско-татарский), а генетические связи башкирского языка совершенно уникальны и требуют углубленного изучения; включение башкирского языка в северо-кыпчакскую, или даже вообще в кыпчакскую ветвь объясняется скорее всего многократными и длительными мощными кыпчакскими влияниями на него – средне-кыпчакским, казахским, казанско-татарским и другими языками. Об этом см. подробнее: Егоров Н.И. Проблемы периодизации истории татарского и башкирского языков // Проблемы духовной культуры народов СССР / Тезисы докладов и выступлений. – Уфа, 1991. – С. 134 -138; Чеченов А.А. Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. – М., 1996. – С. 53-75). Весь языковой материал кыпчакских языков показывает, что пракыпчакский язык вначале распался на восточный (канглыйский) и западный (куманский) (и задолго до монгольского периода!) и только после распада Золотой Орды из западно-кыпчакского языка – основы выделилась северо-кыпчакская (точнее – татарская: казанско-татарская + мишарская) ветвь. Следовательно, язык "Ко-

декс Куманикус" ни в коей мере не может считаться предком или основой восточно-кыпчакских языков. В определенной степени его можно считать условным предком западной ветви кыпчакских языков, но в действительности в "Кодекс Куманикус" отразился совершенно конкретный диалект западно-кыпчакского языка, генетически наиболее близкий к понто-каспийским кыпчакским языкам вообще, а географически – к старому крымско-татарскому и старокараимскому.

Не случайно казахский исследователь А.К. Курышжанов, много лет своей жизни посвятивший изучению языка "Кодекс Куманикус", включает этот памятник в число важнейших письменных источников по старо-кыпчакскому языку и рассматривает его как общий для всех северо-кыпчакских языков (Курышжанов А.К., Репин Б.М. К истории изучения языка древнекыпчакских памятников XIII-XVII веков // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественная. – Алма-Ата, 1996. - № 4. – С. 39, 43).

Это, конечно, правомерно как с историко-этногенетической, так и с историко-филологической точек зрения.

Вместе с тем, "Кодекс Куманикус", являющийся письменным памятником средневекового кыпчакского (куманского, половецкого) языка, может и должен служить одним из главнейших достоверных источников для сравнительно-исторического (компаративного) и сопоставительного (контрастивного) изучения многих современных тюркских языков и, конечно, в первую очередь, кыпчакских – кумыкского, караимского, карачаево-балкарского, крымско-татарского, а также татарского и башкирского, казахского, каракалпакского, ногайского, кыпчакских диалектов узбекского и т.д., не исключая и такие генетически далекие, как якутский и чувашский. Вместе с тем, нельзя считать язык этого памятника, как и

язык армяно-половецких документов, непосредственным предком, скажем, канглыйской (арало-каспийской) или уральской (татаро-башкирской) ветвей кыпчакских языков, не говоря уже о языках огузской, карлукской, сибирской и, тем более, якутской или булгарской ветвей.

Следует особо отметить, что даже в языке относительно "чистого" памятника западно-кыпчакского (куманского, половецкого) языка практически все исследователи выделяют довольно значительный объем огузских элементов (у разных авторов объем огузизмов в куманском языке, естественно, разный, что зависит, скорее всего, не от объективных причин, а от целей и возможностей автора). Природа "огузского" компонента в куманском языке требует специального изучения, т.к. огузские элементы в западно-кыпчакском можно объяснить различным образом:

1) праязыковое наследие;
2) субстратное приобретение
   а) булгарское (?),
   б) хазарское,
   в) печенежское,
   г) узское (огузское, торкское, ковуйское и т.п.);
3) адстратное приобретение;
4) суперстратное приобретение (новоприобретения от огузских племен, прибывших на волне монгольской экспансии; вспомним также о северокавказских и нижневолжских туркменах и других волнах огузской экспансии южнорусских степей вплоть до Османской империи и т.д.).

В принципе ни один из предполагаемых вариантов кыпчакско-огузских контактов нельзя отбрасывать со счетов, скорее всего, надо полагать об их последовательном наслоении друг на друга.

По общему мнению большинства тюркологов, изучавших специфические особенности различных уровней

строевых элементов языка "Кодекс Куманикус", язык этого памятника в определенном смысле является смешанным "кыпчакско-огузским" с преобладанием в нем кыпчакского элемента, но со значительным огузским компонентом (Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высш. шк., 1969. – С. 273; Грунин Т.И. Документы на половецком языке XVI века. (Судебные акты каменец-подольской армянской общины). – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит-ры, 1967. – С. 106; Гаркавец А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. – Алма-Ата, 1987 и др.). Уже поэтому не совсем правомерно некритическое привлечение материалов "Кодекс Куманикус" к процедуре реконструкции пракыпчакского языка.

Вместе с тем, надо отметить и еще один немаловажный и существенный факт. Для передачи звуков куманского (половецкого, кыпчакского) языка в "Кодекс Куманикус" использована латинская графика, а точнее – буквы и лигатуры итальянского и немецкого языков, которые сплошь и рядом не соответствуют истинным звукам живого разговорного тюркского языка. Не всегда помогает точной передаче тюркских (старокыпчакских) звуков и обращение составителя "Кодекса" к специальным буквенным, буквенно-диакритическим, аббревиационно-диакритическим знакам, характерным канцелярскому латинскому письму того времени. Один и тот же куманский (старокыпчакский) звук в данном памятнике сплошь и рядом отображается совершенно различными способами, что сильно затрудняет фонетическую идентификацию того или иного знака или символа (См. таблицу "Латинские обозначения куманских звуков" в книге: Гаркавец А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. – Алма-Ата, 1987. – С. 21-33). Реконструкция подлинного звучания куманских (половецких, старокыпчакских) звуков данного памятника в основном про-

водится путем сравнения с современными живыми кыпчакскими языками (прежде всего с юго-западными) и поэтому при реконструкции фонетической системы пракыпчакской фонетической системы пользоваться материалами данного памятника более чем рискованно. Поэтому в своих построениях фонетического строя пракыпчакского языка мы вынуждены крайне редко обращаться к материалам даже относительно "чистого" в языковом отношении памятника "Кодекс Куманикус". Тем не менее, в относительно спорных случаях данные этого памятника имеют относительно высокое решающее значение, чем более поздние и "более смешанные" огузо-кыпчакские памятники мамлюкского Египта.

Армяно-кыпчакские памятники

В эту группу письменных памятников кыпчакского языка входят армянографичные тексты делового, клерикального, учебного и научного содержания из армянских колоний, существовавших на Украине (главным образом в районе Каменец-Подольска и Львова), а также в Польше, Молдавии, Валахии и Малой Азии в XVI-XVII вв. (Грунин Т.И. Памятники половецкого языка XVI века // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию. – М., 1953. – С. 90-97; Абдулин И.А. Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. – Казань, 1974. – Вып. 3. – С. 166-185; Гаркавец А.Н. Армяно-кыпчакские письменные памятники XVI-XVII веков // средневековый Восток. – М., 1980. – С. 81-90; его же. Две новонайденные армяно-кыпчакские рукописи // Тюркологический сборник: 1977. – М., 1981. – С. 76-80; его же. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. – Алма-Ата: Наука, 1987. – С. 114 и след.; Кудаков С.Ж. Армян жазулы йыпшай ес-

керткіші "Дана Хикар сөзінін" тілі. – Алматы: Ғылым, 1990; Deny J., Tryjarski E. La litterature arméno-kiptchak // Philologiae Turcicae Fundamenta. – Wiesbaden, 1964. – T. 2. – P. 801-808).

Известные в настоящее время армяно-кыпчакские памятники обычно объединяются в пять основных групп: 1) исторические хроники; 2) правовые и актовые документы; 3) филологические труды; 4) светские художественные произведения и 5) культово-религиозная литература. Каждой из этих групп свойственны определенные лингвистические и жанрово-стилистические особенности, но на уровне фонетики они не отражаются.

Первые издания памятников старокыпчакского языка на армянской графической основе носили сугубо арменоведческий характер. Первая публикация хроники о событиях в Каменец-Подольске, имевших место в период с 1560 по 1652 гг. была осуществлена в 1896 году Г. Алишаном. Следующее издание было предпринято профессором филологии Ф. фон Крелитц-Грайфенхорстом, специально занимавшимся армяно-турецкими языковыми взаимоотношениями. Это издание было первой научной публикацией армяно-кыпчакского текста, выполненной в соответствии с требованиями современной науки. Она состоит из текста в оригинальной армянской графике, транслитерации на арменистической основе, немецкого перевода и лингвистических комментариев. Ф. фон Крелитц-Грайфенхорст первым установил кыпчакский тип тюркского языка и назвал его, по принятой в то время терминологии, "татарским" или "армяно-татарским". В филологических примечаниях к тексту он указал также на ряд особенностей кыпчакского перевода псалма, которые сохраняют свое значение и в современной тюркологии. (Подробнее см.: Севортян Э.В. От редактора // Документы на половецком языке XVI века. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины) / Транскрип-

ция, перевод, предисловие, введение, грамматический комментарий и глоссарий Т.И. Грунина. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1967. – С. 15-16).

Одним из основных исследований языка армяно-кыпчакских памятников является фундаментальный труд Ж. Дени (Deny J. L'arméno-coman et les "Ephémérides" de Kamieniec (1609-1613). – Wiesbaden, 1957). Свою публикацию памятника известный тюрколог-османист снабдил обширным историческим введением об армяно-куманских (половецких, кыпчакских) связях, а также исследованием самого памятника, его графики, фонетических, грамматических и лексических особенностей. Основную часть публикации Ж. Дени составляют транскрибированный текст и его французский перевод, снабженные подстрочными комментариями и, наконец, два глоссария – аппелятивной лексики памятника и собственных имен (См. рец. Грунин Т.И. // Вопросы языкознания. – 1958. - № 6. – С. 113-116).

Начиная с 1957 года, с легкой руки Ж. Дени, с небольшими перерывами появляются все новые и новые публикации армяно-кыпчакских памятников, а также филологических исследований самих текстов и их языка, среди которых назовем лишь труды М. Левицкого и Р. Коновой (Lewicki M., Kohnowa R. La version turque-kiptchak du "Code des lois des Arméniens polonais" // Rosznik Orientalistyczny. – Warszawa. – 1957. – N. 21. – S. 153-30), Э. Трыярского (Tryjarski E. Aus der Arbeit an einem ermenisch-hiptschakisch-polnisch-französischen Wörterbuch // Ural –Altaische Jahrbücher. – Wiesbaden, 1960. – Bd. 32. – Hf. 3-4. – S. 191-213), Ж. Дени и Э. Трыярского (Deny J., Tryjarski E. "Histoire du sage Hikar" dans la version armeno-kiptchok // Rosznik Orientalistyczny. – Warszawa, 1964. – T. 27. – Z. 2. – S. 7-61), О.С. Оганяна, Э. Шютца, С.Э. Кудасова и др. (Подробнее см.: Севартян Э.В. Цит. раб., с. 15-22).

Важнейшей в отечественной тюркологии публикацией армяно-кыпчакских памятников следует признать издание, судебных актов Каменец-Подольской армянской общины, осуществленное Т.И. Груниным в 1967 году в серии "Памятники письменности Востока". Данный труд снабжен обширными предисловием и введением, где освещаются история возникновения армянских колоний в Каменец-Подольске в 50-60-х годах XVI века, исторические сведения о куманах-половцах и их связях с армянами и другими народами Восточной Европы, рассматриваются источники изучения половецкого языка, в том числе и оригинальные источники на армяно-кыпчакском языке, дается общая характеристика армяно-кыпчакскому языку. Основную часть данного фундаментального исследования составляют транскрипция текстов документов, их перевод на русский язык, грамматический очерк армяно-кыпчакского языка и полный глоссарий (включая словари собственных имен и географических названий). (Документы на половецком языке XVI века. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины). Транскрипция, перевод, предисловие, введение, грамматический комментарий и глоссарий Т.И. Грунина. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1967).

В настоящее время ведутся интенсивные поиски и публикации новых архивных материалов по армяно-кыпчакскому языку. Несомненно должны существовать в различных архивах Украины, Молдавии, Румынии, Польши и других стран письменные источники армянских колоний, размещавшихся в XV-XVII веках в Крыму, Киеве, Луцке и других городах.

Язык армяно-кыпчакских памятников, по общему мнению специалистов, представляет собой один из юго-западных (кыпчакско-половецких, понто-каспийских) кыпчакских языков. По специфическим особенностям своих строевых элементов он наиболее близко стоит к

кумыкскому, карачаево-балкарскому, тракайскому диалекту караимского языка, куманскому языку (языку "Кодекс Куманикус"), кыпчакским урумским говорам и горным говорам крымско-татарского языка.

Один из ранних исследователей армяно-половецких документов Ж. Дени еще в 1921 году пришел к выводу, что армяно-кыпчакский язык в своей основе был близок не только к языку "Кодекс Куманикус", но и, более конкретно, к языку современных караимов и кумыков. Вместе с тем, Ж. Дени отмечал также полное отсутствие в армяно-кыпчакском следов влияния османского (турецкого) языка и отчетливое проявление следов уйгурского влияния.

Уйгурско-кыпчакские языковые взаимоотношения, следы которых в определенной мере проявляются в армяно-кыпчакском, очевидно следует отнести к относительно ранним периодам древнекыпчакского языка, по крайней мере, к эпохе до XI века, т.е. к тому периоду истории, когда кыпчаки (куманы, половцы) находились в пределах Средней Азии, в составе караханидского государства.

Лингвистическая ценность армяно-кыпчакских письменных памятинков состоит в том, что в них отразилась живая разговорная речь кыпчаков (половцев, куман) XVI-XVII вв. Надо также особо отметить, что в некоторых документах из Каменец-Подольска параллельно применены две системы письма: на армянской и латинской графической основе. Это дает в руки исследователей материал к более точному и достоверному уяснению фонетической системы армяно-кыпчакского языка, к пониманию путей приспособления армянской письменности к фонетическому строю кыпчакского языка.

В основном армяно-кыпчакский язык XVI-XVII веков хорошо сохранил все специфические черты старокыпчакского (половецкого, куманского) языка. Вместе с

тем тюркологи давно отмечают, что западно-кыпчакские (кыпчакско-половецкие, понто-каспийские) языки действительно имеют довольно много черт, общих со старыми языками огузских племен. Очевидно, определенные огузско-кыпчакские языковые параллели, за исключением явно поздних огузских инноваций в отдельных кыпчакских языках (например, в караимском, крымско-татарском и др.), восходят к пракыпчакскому периоду и даже более глубоким эпохам.

Язык армяно-кыпчакских памятников является важнейшим источником, из которого можно черпать интересные сведения об одном из старо-кыпчакских языков более позднего периода, чем, скажем, язык "Кодекс Куманикус". Вместе с тем в самом армяно-кыпчакском можно различать различные стилистические уровни и направления – язык чисто религиозных сочинений, язык судебно-правовых документов, язык начатков художественной литературы назидательно-апокрифического содержания и т.д.

Часть II

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Карачаево-балкарский язык, как и любой из языков, явление историческое. Он обособился как самостоятельный язык с присущим ему оригинальными и глубоко самобытными чертами на определенной стадии развития тюркских народов. Следовательно, история современного карачаево-балкарского языка начинается со времени образования карачаево-балкарской народности. Доступный компаративистике его архаичный диахронический уровень находится в глубинах истории за тем условным срезом, который принято называть прототюркским состоянием. Соответственно и история одного из важнейших этнических компонентов карачаево-балкарского народа в конечном итоге восходит к прототюркам. Однако это ни в коей мере не означает, что карачаево-балкарцы имеют своим предком только прототюрков; на своем тернистом историческом пути карачаевцы и балкарцы пополнили свой генетический пласт многими безвестными и известными племенами. Поэтому задача историков-этнологов и языковедов-компаративистов заключается в выявлении тех этнических и языковых компонентов, которые исторически вошли в состав изучаемого этноса или языка для того, чтобы восстановить реальные исторические события и этнолингвистические процессы. Существование в отдаленном прошлом общетюркского языка неоспоримо. Фонетико-грамматический строй и лексика тюркских языков в определяющих своих чертах основываются на закономерных соответствиях, наличие которых может быть объяснено только происхождением тюркских языков от одного языка-предка. Поэтому историю карачаево-балкарского языка следует начинать изучать с прототюркского состояния [Ураксин З.Г. Фразеология башкирского языка. – М.: Наука, 1975 – С. 32].

Современная тюркская компаративистика достигла такого уровня развития, что она не только дает историкам лингвистический материал о дописьменных периодах истории носителей конкретных языков, но наряду с археологией, этнографией, фольклором выступает одной из равноправных компонентов истории этноса. Исходя из научных методологических установок, история формирования и развития языка должна изучаться в тесной связи с историей этноса. Однако следует заметить, что история языка как таковая - это не история народа в целом, их нельзя идентифицировать и взаимозаменять.

При изучении древних языков исследователи вольно или невольно допускают одну серьезную ошибку – представление о современном народе переносят без всякой коррекции на древние времена и за каждым архаичным этнонимом видят как бы отдельный народ с определенным языком. На самом деле в древности этноязыковые представления были во многом иными, чем привычные сегодня нам. Современное определение народа в корне отличается от прошлого представления. Носители одного и того же языка раньше могли подразделяться на множество родственных племен. С другой стороны, носителями одного языка могли выступать несколько племен. Следовательно, в древние периоды истории носителем языка, как правило, был союз племен, а не каждое отдельное взятое племя.

Этногенез и лингвогенез не всегда совпадают. В этногенезе карачаевцев и балкарцев, как и большинства других народов, на разных этапах их этнической истории приняли самое деятельное участие многие народы аридной полосы Евразии [Хапаева С.М. Из истории создания карачаево-балкарской письменности // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногайского языков: Сб. научн. трудов. / под. ред. Ж.М. Гузеева –

Черкесск: К-Ч НИИ ИФЭ, 1991, С. 137-150] . Анализ существующей литературы по проблемам этнолингвогенеза карачаевцев и балкарцев показал его принципиальную поликомпонентность. При этом практически все компоненты постепенно сконцентрировались вокруг кумано-половецко-кыпчакского языкового ядра. Следовательно, кумано-половецко-кыпчакский [1] язык признается главным историческим предком современного карачаево-балкарского языка. Это находится в полном соответствии с общепризнанным в мировой науке местом карачаево-балкарского языка в классификационной системе тюркских языков.

Прототюркская проблема

Нынешнее состояние изученности прототюркской проблемы определяет прародину прототюрков в Центральной Азии в районе Саяно-Алтайского нагорья, Прибайкалья и Забайкалья, а также Монголии. Археологи связывают с прототюрками так называемую культуру плиточных могил. Ученые относят эти наскальные "колесничные изображения" рубежам I-II тысячелетий до н.э. и считают, что петроглифы были составлены древними индоевропейскими племенами скифо - сибирского круга [Чеченов А.А. Проблемы формирования и развития языка карачаевцев. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 146].

Прототюрки были охотниками – собирателями. В результате контактов с индоевропейскими восточноиранскими кочевниками они постепенно начали осваивать навыки кочевого скотоводства. Свидетельство этому общетюркские названия домашних животных, заимствованные из индоевропейских языков. Уже в середине I

[1] (Кыпчаки – это самоназвание, русские летописи их называли половцами, а европейские авторы – куманами).

тысячелетия до н.э. в поисках пастбищ прототюркские племена постепенно начали покидать свою прародину и выходить на широкие степные просторы. К III веку до н.э. они усилились настолько, что создали огромную Гуннскую империю, способную противостоять Китаю. В состав Гуннской конфедерации племен вошли многие центрально-азиатские племена и народы, а также и древние индоевропейцы, которые постепенно ассимилировались и превратились в тюрков. Тюрками первоначально назывались кочевые племена восточно-иранского круга центрально-азиатских степей, а протототюрки, точнее их восточная ветвь, носила самоназвание огузы. Впоследствии огузы ассимилировали собственно туранцев, но восприняли от них аллоэтноним тюрк. Таким образом, охотники - огузы превратились в номаны-тюрки, причем огузский (тюркский) язык вышел победителем над восточноиранским ("туранским").

Первыми экстенсивное скотоводство начали осваивать огузско-тюркские племена. Оказавшись в близком соседстве с восточноиранскими кочевниками, они усвоили их систему ведения хозяйства и кочевническую культуру настолько, что вскоре превзошли их самих и начали постепенно ассимилировать. В результате образовались огуро-булгарские племена. В период усиления Гуннской империи огуро-булгарское племенное объединение из Западной Монголии через Джунгарские ворота вышла в степные просторы Восточного Казахстана. Вскоре они были отмечены в районе Семиречья, но оттуда были отброшены на западные районы Казахстана, в Приуралье. Наконец, в IV веке огуро-булгарские племена появились в Восточной Европе, где на смежных территориях, т.е. на Северном Кавказе, Придонье, Приазовье в VII веке образовали свое государственное объединение - Великую или Золотую Булгарию. Это была первая волна тюрков,

проникшая в Восточную Европу из Центральной Азии [Егоров Н.И. Проблемы генетической и хронологической стратификации лексики чувашского языка и теория булгаро-чувашской этноязыковой преемственности. – Алма-Ата, 1992. – С. 28-33].

Следующими в западном направлении продвигались тюрки-огузы. Одна часть огузских тюрков обосновалась в Приаралье, вторая часть ушла в Малую Азию, вторглись в пределы Кавказской Албании. Таким образом, сформировались туркмены, турки и азербайджанцы. Другая ветвь тюрок-огузов вторглась в Восточную Европу. Это были, прежде всего, хазары, а также печенеги, гузы (узы), тюрки, караклобуки, берендеи, ковучи и другие тюркские племена, которых русские летописи зафиксировали в южнорусских степях, начиная с IX века. К проблеме же происхождения карачаевцев и балкарцев и их языка непосредственное отношение имеют булгары, хазары и другие ранние тюрки, появившиеся в степях Юго-Восточной Европы и Предкавказья в VI-IX вв. [Чентиева М.Д. История чечено-ингушской письменности. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. из; 1985. – С. 33].

Булгары и древнебулгарский язык

Первое упоминание булгар[2] на Кавказе содержится в анонимном хронографе 354 года. Основная масса булгар в степях Юго-Восточной Европы и на Северном Кавказе появилась перед гуннским нашествием. По сообщениям средневековых авторов, булгары в середине I тысячелетия н.э. проживали в степях Предкавказья, включая нижнее Приуралье. На этой территории обитал основной массив булгарских племен, и уже в VI веке они имели

---

[2] Булгарами называли ту часть болгар, которые ушли в междуречье Волги и Камы. Остальных же называли Болгарами.

военные столкновения с аварами и ненадолго подпали под их подчинение [Очерки истории СССР III – IX в.в. – М ., 1958. – С. 587]. Уход аварской орды на запад освободил булгар от зависимости.

Однако во второй половине VI века в Предкавказье появился новый поток из Азии - тюрки Тюркского каганата. В 576 году они вторгаются на Таманский полуостров, переправляются через Керченский пролив и овладевают Боспором. С этих пор приазовские булгары оказываются в составе Тюркского каганата [Там же. – С. 589-590].

Наибольшего могущества Великая Булгария достигла при царствовании хана Кубрата. Опираясь на дружеские отношения с императором Ираклием, Кубрат победил своих врагов и освободился от тюркского владычества. В середине VII века булгарские племена были объединены ханом Кубратом в государство, названное византийцами Великой, или Золотой Булгарией. В VII веке Булгария распалась. Часть булгар во главе с ханом Аспарухом в 660 г. ушла на Дунай и, подчинив местные славянские племена, положила начало Дунайской Болгарии. Однако эти булгары слились с более многочисленным местным славянским населением и приняли их язык. Другая часть булгар передвинулась на север к Дону, а оттуда в Волго-Камье, положив тем самым начало Волжско-Камской Булгарии. Третья часть булгар, называемых черными булгарами , во главе с Батбаяном осталась в Приазовье-Прикубанье. Под давлением хазар они переселились в горные и предгорные районы Северного Кавказа: это верховья Кубани, район Пятигорья и прилегающие части нынешней Кабардино-Балкарии. Здесь жили аланы и кавказские предки карачаево-балкарцев. В результате контакта болгар с ними на этнокультурном уровне начался процесс языковой тюркизации местного населения. Исследователи приводят значительный по качеству

и достоверности лингвистический, археологический и антропологический материал, а также отмечают параллели в языческих верованиях протоболгар и карачаево-балкарцев, свидетельствующие о том, что древние булгары явились первым тюркоязычным компонентом в этногенезе карачаево-балкарцев и сыграли важную роль в формировании тюркоязычного ядра этой народности [Сабанчиев Х.-М. А. Происхождение балкарского народа: легенда и история в ногмовской версии // Народы Северного Кавказа: вопросы истории и историографии. – Нальчик, 1998. – С. 55-56].

Оставшиеся в Предкавказье древние булгары впоследствии были ассимилированы хазарами, печенегами, кыпчаками и другими тюркскими народами, занимавшими южнорусские степи и подошвы гор Северного Кавказа. Это, вероятно, потому, что близкородственные языки часто и очень быстро заменют друг друга. По этой причине в Северо-Кавказском регионе древнебулгарский язык не сохранился в целом. Тем не менее, в современных языках кавказских тюрков, например, в карачаево-балкарском языке выявлены признаки древнебулгарского языка. Они дают ясное представление о фонетической и морфологической структуре древнебулгарского языка [Чентиева М.Д. История чечено-ингушской письменности. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. из., 1985. – С. 36-40] . Этот язык резко отличается от стандартного общетюркского языка по целому ряду фонетических признаков, которые дают возможность почти безошибочно узнать их даже в каком-либо другом близкородственном языке. Прямой, непосредственной исторической преемственности между языком древних булгар IV-VIII веков и карачаево-балкарским не могло быть. Потому, что исторические факты говорят о том, что оставшаяся в Предкавказье, Приазовье, в Южнорусских степях сравнитель-

но небольшая часть древних булгар уже в конце VIII века вошла в состав Хазарского каганата и в значительной степени была ассимилирована хазарами. Несколько позднее, с IX века, интересующие нас территории были заняты печенегами, что привело к последующему смещению народов и смене языка. Но решающее значение в переходе предков карачаево-балкарцев на тюркскую речь имели их связи с кыпчаками на протяжении XI-XIV веков. Они занимали огромное пространство от озера Балхаш до Дуная. В середине XI столетия кыпчаки расселяются в Северном Причерноморье и Предкавказье, к северу от Алании.

В середине XI века в Предкавказье появляются половцы, или кыпчаки, или куманы, которые также должны были проглотить близкородственное аборигенное, теперь уже печенежское население. В золотоордынский период в Предкавказье появляется вторая волна кыпчаков из Средней Азии. Если пер-вую волну кыпчаков можно было бы назвать куманской (куманский тип кыпчакского языка сложился в результате скрещивания печенежского с собственно кыпчакским или половецким), а вторую, золотоордынскую - канглыйской (ср. ногайский язык). Прежде чем стать достоянием современного карачаево-балкарского языка, древнебулгарские слова должны были пройти хотя бы через хазарский и печенежский, или, что менее всего вероятно, сами древние булгары должны были пережить хазар и печенегов и влиться в состав куманских кыпчаков.

Итак, булгарская лексика карачаево-балкарского языка к древнебулгарскому состоянию восходит через ряд диахроно-диатопологических уровней: куманско-кыпчакский, печенежский и хазарский. Это положение подтверждается наличием ряда булгаризмов в другом куманско-кыпчакском языке.

Однако сказанное полностью не исключает возможности непосредственных карачаево-балкарско-булгарских контактов. Имеется достаточно оснований предполагать, что в труднодоступных ущельях Центрального Кавказа сохранились небольшие локальные группы булгар вплоть до золотоордынского периода. Это подтверждают археологические и камнеписные материалы [Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе, 1984. – С. 6].

Таким образом, кыпчакский язык половцев или куманов постепенно наслаивался на огузско-печенежский субстрат и уже с XI века начал господствовать в южнорусских степях. Но язык западных кыпчаков-половцев или куман благодаря булгаро-хазарско-печенежскому субстрату, начал приобретать специфические черты, отличающиеся его от восточно-кыпчакского языка. Западный вариант кыпчакского языка, выросшего на печенежском субстрате называют кумано-кыпчакским.

Позднее, в постзолотоордынский период кумано-кыпчакский язык распался на ряд близкородственных, самостоятельных языков: карачаево-балкарский, кумыкский, караимский и крымскотатарский (северный вариант).

Кыпчакские языки

В единую территориальную группу тюркоязычных народов, живущих на Кавказе и в Дагестане, входят азербайджанцы, кумыки, карачаево-балкарцы, ногайцы и турхмены (ставропольские). Генетически эти народы Кавказа и Дагестана составляют две основные группы. К огузской группе относятся азербайджанцы и северокавказские турхмены, а к кыпчакской группе: карачаево-балкарцы, кумыки и ногайцы. Подвергнувшись частичной ассимиляции узов, печенегов и черных булгар, исторически состоявших из смешанных печенего-булгарских

племен, и приобретя в своем языке огузские черты, кумыки и карачаево-балкарцы, сохраняя кыпчакскую основу своего языка, приобрели вместе с тем дифференциальные особенности, характеризующие современные расхождения этих языков в фонетике, грамматике и лексике [Баскаков Н.А., Баскаков А.Н. Современные кыпчакские языки. – Нукус: Каракалпакстан, 1987. – С. 8].

Для выявления острых вопросов этно- и лингвогенеза карачаевцев и балкарцев важное значение имеет история взаимоотношений кыпчаков с аланами, а также с другими автохтонными кавказскими народами. Расселение кыпчаков в Предкавказье первоначально сопровождалось столкновением и борьбой. После падения Хазарского каганата земли в междуречье Кубани и Терека до Сунжи, а также ряд районов в высокогорной зоне находились под контролем алан [Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе, 1984. – С. 32].

После того, как в середине XII века определялась граница между кыпчаками, с одной стороны, и аланами и автохтонным кавказским населением - с другой, по течению Кубани, Нижней Малке и Тереку, установилось в Предкавказье относительное политическое равновесие и началось взаимное сближение. Длительное соседство, взаимные контакты привели к тому, что алано-кыпчакские отношения становятся союзническими. Поэтому этот период представляет особый интерес в аспекте взаимоотношений культур и этнокультурных контактов тюркских племен и народов с аланами и автохтонным кавказским населением, приведший к образованию современных тюркских народов этого региона.

Исторические данные свидетельствуют о том, что в первой половине первого тысячелетия Северный Кавказ и прилегающие к нему степи составляли определенный тюркоязычный ареал близкородственных тюркских язы-

ков, обладающих рядом общих особенностей, установление которых даст возможность выявить и некоторые особенности каждого из этих языков в отдельности. Вообще происхождение тюркских языков этого региона по данным лингвистической литературы весьма гипотетично [Гаджиева Н.З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. – М.: Наука, 1979. – С. 225].

Решение проблем сложения карачаево-балкарского языка и датировки начала этого процесса способствует изучению бесспорных и предположительных древних свидетельств о тюрках в зоне Северного Кавказа.

Тема происхождения северокавказских народов остается в целом сложнейшей в исследовательском, и прежде всего методическом, плане. Как оценить удельный вес местного кавказского населения, "кавказского субстрата" в этногенезе, с какими древними культурами можно его связывать на этапах и вообще позволяет ли археологический материал решать эти вопросы однозначно? Как оценить вклад ирано- и тюркоязычных племен? Как отражаются в исторических материалах передвижения племён, включение пришельцев в местную среду, изменение физического типа населения или же победа того или иного языка? В чем и как проявляется непрерывная культурная традиция и каков механизм внедрения в них новых элементов? [Ковалевская В.Б. Кавказ иаланы. Века и народы. - М.: Наука, 1984. – С. 6].

Современный Кавказ населен людьми разного антропологического типа, относящимися ко многим языковым группам, с присущими каждому из этносов этнографическими особенностями. Они прошли разный путь, но их объединяет не только соседство, связь глубже, она внутренняя, и корни уходят в "доисторические" времена.

Этот общий знаменатель, кавказский субстрат – подоснову, можно вычленить у современных народов в их

облике, материальной и духовной культуре, по языку, нартскому эпосу, этикету и др. Родство коренится между ираноязычным осетином и вайнахоязычным ингушем или адыгом, представителем кавказской семьи языков — сваном и тюркоязычным балкарцем или карачаевцем. Разумеется, только системный комплексный подход позволит подойти к решению этой архисложной темы.

Версия о генетическом родстве некоторых тюркоязычных народов Северного Кавказа с половцами возникла и появилась в научной литературе в начале XIX века. Так, в специальной инструкции, выданной Академией наук немецкому исследователю Г.Ю. Клапроту (1783-1835), перед его поездкой на Кавказ для изучения языка и этнографии адыгов, абазин, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, грузин и др. в 1807-1808 годах, находим такую запись: "К наиболее старинным жителям гор относятся карачаевцы, балкарцы и чеченцы …, возможно..., что это остатки половцев" [Клапрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 – 1808 годах. Осетины глазами русских и иностранных путешественников. – Орджоникидзе, 1967. – С. 106-107]. Вероятность исторической преемственности между половцами и карачаево-балкарцами отмечалась впоследствии рядом исследователей, однако, остается полемичным вопрос конкретной датировки и выяснение обстоятельств проникновения половцев в высокогорные районы Кавказа.

В результате подробного анализа нарративных, этнографических, археологических, краниологических свидетельств и иных источников он вполне обоснованно пришел к выводу, что основные изменения, связанные с формированием современной этнической карты Северного Кавказа, были обусловлены эпохой монгольского владычества вообще (XIII – XIV века) [Батчаев В.М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – С. 20-21].

Этнополитическая ситуация на Кавказе претерпевает

существенные изменения с XII в. Войны, миграции стихийные бедствия – все оставило на Кавказе свои следы. Одни племена вытесняют в горы других. Аборигены вынуждены подниматься все выше и выше, туда, где их уже никто не может достать. Следом идут те, кого выбрасывают на кавказские утесы новые волны истории.

Часть уцелевших от монгольских набегов плоскостных алан была включена в состав Золотой Орды. Кыпчаки тоже покорились завоевателям и составили основу военной силы Золотой Орды. Господствующим классом в Орде являлись многонациональные феодалы и военно-служилая знать кыпчаков. Поскольку основным населением Орды были половцы, то началось постепенное отюречивание аборигенов, в том числе и алан. Незначительная часть уцелевших от монгол алан теперь уже составляла лишь "островки" оседло-земледельческого населения среди обширного этнокультурного мира кочевников-тюрок. В составе Золотой Орды аланы были около 150 лет, что сделало неизбежным алано-тюркские смешения. Усиливается и алано-кыпчакский этнический симбиоз и синтез. Мощная миграция кыпчаков с предгорной равнины в горы после нашествий татаро-монголов и Тимура была последним импульсом в тюркизации, что привело к окончательному оформлению основного этнического "ядра" карачаево-балкарского этноса – тюркского по языку, тюрско-кавказского по культуре и чисто кавказского (кавкасионского) по антропологическим признакам.

В то же время, следует заметить, что процесс тюркизации сочетался и переплетался с начавшимся раньше процессом иранизации Центрального Кавказа и их необходимо рассматривать во взаимосвязи.

Длительное и всестороннее взаимодействие кавкасионцев с ираноязычными племенами скифо-сармато-

аланского круга, завершившееся в раннем средневековье иранизацией аборигенов, представляло собой лишь ранний этап балкаро-карачаевского этногенеза. Заключительный этап связан с переходом смешанного в этнокультурном отношении населения на тюркскую речь.

Многие элементы культуры карачаевцев и балкарцев стойко сохраняют тюркские традиции. Это можно объяснить только тем, что тюркский компонент сыграл важную роль в этногенезе изучаемых народов. Тюркские традиции в культуре карачаевцев и балкарцев исторически более ранние и отличаются стабильностью, а также несут важную этническую нагрузку. Они являются важнейшим компонентом традиционной культуры современных народов и в сочетании с данными археологии и языка [Фридрих И. История письма, - М.: Наука, 1979] говорят о решающей роли тюркского компонента в их этногенезе [Биджиев Х.Х. Тюрки Северного Кавказа: (Болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры).- Черкесск, 1993].

Изучаемые народы образовались в результате синтеза нескольких компонентов. Такое мнение является справедливым, ибо нельзя безоговорочно сближать ни один современный народ, ни с одним древним. В настоящее время не вызывает сомнения то, что "большинство этносов сложилось в результате смешения различных этнических групп как пришлых, так и автохтонных". Это положение имеет прямое принципиальное отношение к этногенезу многих народов Евразии, в том числе Кавказа, ибо "абсолютно автохтонных народов так же, как и чистых мигрантов, практически не бывает" отмечают ученые.

Если руководствоваться этими соображениями, то карачаевцы и балкарцы, как и все другие народы, имеют сложную этническую историю и содержат в своем составе различные этнические элементы. Вместе с тем их этническое ядро состоит, главным образом, из трех компо-

нентов. Первый – кавказский, второй – аланский, третий – тюркский.

Балкаро-карачаевцы являются сложносоставным народом. Древнейшими их предками были местные кавказские племена, носители кобанской культуры эпохи бронзы. Впоследствии в это ядро влились ираноязычные аланы и тюркоязычные болгары и кыпчаки. В результате обогащалась культура этих древних кавказцев.

Вопрос об этноязыковой атрибуции кобанцев сложный и требует специальной глубокой проработки с привлечением не только археологического материала, но и изучения архаичных пластов топонимики в ареале кобанской культуры. Тем не менее уже высказаны предположения, что кобанцы – это древнейшие иранцы на Кавказе (Б.В.Техов), протосваны (В.П.Алексеев), протоадыги (А.Л. Членова), протовайнахи (В.Б. Виноградов).

Физический облик балкарцев и карачаевцев, которых некоторые авторы пытаются представить как "стопроцентных" тюрок, охарактеризован антропологами как кавказский (из всех кавказских типов самый кавказский). Это со всей определенностью свидетельствует о биологическом приоритете субстрата – исконно местного древнекавказского населения, многовековое взаимодействие которого с ираноязычными скифами и сармато-аланами, а затем и тюрками привело, в конечном счете, к образованию карачаево-балкарского этноса. Судя по совокупности связанных с этой проблемой источников, массовая и окончательная тюркизация горцев могла иметь место не ранее XV столетия.

Катастрофическое сокращение численности алан на равнине и ассимиляция их уцелевших групп с тюркоязычными кыпчаками – положило начало новому "проэтносу", известному в устной традиции народов региона под именем маджарцев. С конца XIV в. начинается массовая миграция маджарцев в Балкарию и ассимиляция ими горных алан.

Таким образом, именно с рубежа XIV-XV вв. начинается коренная трансформация.

В XIV веке основным языком Золотой Орды становится тюркский язык кыпчакского типа. На этом языке общалось основное население Золотой Орды, на нем велась деловая и политическая жизнь; этот язык, известный под названием "тюрки", становится официальным литературным языком государства.

Достаточно полные сведения о кыпчакском языке золотоордынской эпохи содержатся в тюрко-арабском словаре "Китаб-и маджму-и таржуману турки ва аджами ва могули ва фарси", составленном в Египте в 1245 году, к этой же эпохе относятся отрывки половецко-русского словаря, опубликованные М.А. Оболенским и В. Бангом. Крупнейшим памятником кумано-кыпчакского, или половецкого, языка является кыпчапко-латино-венгерский словарь, составленный в 1304 году в Италии и предназначенный для европейских купцов, торговавших с Золотой Ордой. Этот словарь более известен в научных кругах под латинским названием "Codex Cumanicus".

Наконец, созданные в XIV веке литературные памятники Золотой Орды, такие, как "Гюлистан бит-тюрки" Сейфа Сарайи и "Мухаббат-наме" ал-Хозерми, были написаны также на языке "тюрки", то есть огузо-кыпчакском языке. Тот факт, что кыпчакский язык стал официальным языком Золотой Орды, имел чрезвычайно важное значение в судьбах тюркоязычных народов. Это привело в XIV веке к унификации и своеобразной нивелировке всех тюрских языков и наречий.

Тюркизация Центрального Кавказа имело место в самом конце XIV века и связана с той группой предкавказских половцев, которая в период монгольского владычества была вытеснена из степи в предгорья Кавказа и перешла к оседло-земледельческому образу жизни на тер-

ритории плоскостной Алании. В период распада Золотой Орды, а точнее – в ходе завоевания Тамерланом Северного Кавказа и в последующее время, эта группа седентиризованных половцев, в результате наплыва новой волны кочевников, вынуждена была покинуть свои территории и уйти в ущелье Центрального Кавказа. В конце XIV – начале XV веков оседлые были частично ассимилированы адыгами, а часть отошли в горные районы, где в процессе их смещения с местным населением начала складываться карачаево-балкарская народность.

Только, исходя из сравнительно поздней датировки распада куманско-кыпчакского языка-основы (в начале XV века), можно объяснить поразительную близость между его потомками - карачаево-балкарским, кумыкским, караимским, северным вариантом крымско-татарского, а также в определенной степени – казанско-татарским (в отличие от близкородственного ему башкирского), с одной стороны, и с языком памятников кыпчакского языка XIII - XIV веков - с карачаево-балкарским и его ближайшими родственниками – с другой [Хапаева С.М. Из истории создания карачаево-балкарской письменности // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногайского языков: Сб. научн. трудов. / под. ред. Ж.М. Гузеева – Черкесск: К-Ч НИИ ИФЭ, 1991, С. 137 -150].

По этой причине темпорально-пространственное рассмотрение особенностей карачаево-балкарских диалектов ввиду глубинного характера диалектных различий не дает утверждать, что эти диалекты сформировались на нынешней территории. Многие доминирующие диалектные различия имеют межтюркский характер, встречается на огромной территории распространения тюркских языков и, естественно, не могут быть объяснены процессами, происходящими на современной территории расселения карачаево-балкарцев. Изоглоссы таких явлений, как –

дж-ж, з, ч-ц, къ, к-х, п(б)-ф, и др. выходят за пределы территории карачаево-балкарского языка и имеют большую протяженность и различные конфигурации, поэтому они должны рассматриваться в общетюркском масштабе и могут быть возведены к диалектам праязыка. Например, можно предположить, что изменение архетипа первого ряда ч (дж) вызвало изменение архетипа второго ряда ц-(>ч) или параллелизм процессов, который наблюдается в истории казахского и каракалпакского языков: дж > ж > х > ш. Однако развитие корреляции ч > ц в истории тюркских языков вылилось в стройное, симметричное, поступательное движение, о чем говорят более многообразная рефлексия архетипа первого ряда и, следовательно, различные отражения данной корреляции в современных тюркских языках [Акбаев Ш.Х. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. (Опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения). – Черкесск, 1963].

Формирование карачаево-балкарского языка

Как уже отмечалось, в процессе сложения карачаево-балкарского языка одним из основных компонентов был кумано-кыпчакский язык золотордынской эпохи – общий предок кумыкского, караимского и северного варианта крымско-татарского языков. Распад кумано-кыпчакского на четыре близкородственных языка произошел в конце золотоордынской эпохи и непосредственно связан с упадком Золотой Орды в ходе военных походов Тимура в конце XIV века.

При этом следует иметь в виду, что до этого нашествия кумано-кыпчаки (половцы) в течении двухсотлетнего пребывания в степной полосе Юго-Восточной Европы ассимилировали остатков булгар, хазар, печенегов, торков, узов и ряд других родственных им тюркоязычных

племен огузской группы. И в результате скрещивания огузских племенных языков с половецким (или куманским) языком кыпчакской группы сложился своеобразный западный вариант кыпчакского языка, который в науке называют кумано-кыпчакским (в отличие от восточного варианта – канглиско – кыпчакского). На этом основании в современном карачаево-балкарском языке имеются специфические особенности, восходящие к булгарскому, хазарскому, печенежскому или огузскому субстратам.

Ко времени появления ранних тюрков, а также всех последующих тюркских наплывов, вплоть до последней половецко-кыпчакской, в горной и предгорной зоне Центрального Кавказа проживали местные автохтонные племена – носители аборигенной кавказской речи. В языке нынешних карачаевцев и балкарцев прослеживается довольно значительный пласт субстратной и заимствованной лексики аланского (или осетинского), а также кавказского (адыгского, сванского и др.) происхождения. По всей вероятности, численность ираноязычного аланского населения в горах, принявших участие в этнолингвогенезе карачаевцев и балкарцев увеличивалась также за счет дополнительного притока алан, бежавших в эти же районы из степных предгорий во время похода Тамерлана и в последующие годы. Надо также иметь в виду и то, что алано-кыпчакские контакты начались еще в половецкую эпоху и значительная часть алан, проживавших в степях Предкавказья, постоянно вливалась в половецко-кыпчакскую среду. Таким образом, усиливается алано-кыпчакский симбиоз и синтез.

По сведениям грузинских летописей, с появлением кыпчаков на Северном Кавказе части местного населения пришлось отступить к горам. Очевидно, пришлось покинуть часть своей территории и аланам. Во-первых, имен-

но с появлением кыпчаков связывала Т.М. Минаева сокращение числа городищ на плоскости и одновременно увеличение их количества в горах, начиная с XI - XII вв. Во вторых, тогда же центр Аланской метрополии был перенесен из Нижнего Архыза в Сотириуполь, и впоследствии митрополит Лаврентий объяснял это тем, что население Алании "ведет пастушеский образ жизни" [Батчаев В.М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. - Нальчик: Эльбрус, 1986. – С. 23].

Здесь речь идет именно о кыпчаках, которые в своих сезонных перекочевках могли заходить далеко вглубь правобережья Малки, хотя прочное освоение ими данной территории приходится уже на XIII – XIV столетия.

Упоминание в хрониках XIV века тюркские топонимы Алании отражают процесс тюркизации края далеко не полностью, в действительности таких топонимов было значительно больше. К настоящему времени окончательно установлена дата одного из крупнейших в регионе средневековых поселений – города Маджары на реке Кума (на месте современного Буденовска). Он возник в самом начале XIV века, а в конце того же столетия был разрушен ордами Тамерлана. Можно предположить, что это было следствием перемещения какой-то части тюрок степного Предкавказья на правобережье реки Малки, и ассимиляции ими плоскостных алан в XIV веке. Этнический состав тюрок – маджарцев скорее всего был неоднородным, но то, что значительная часть состояла из кыпчаков не требует доказательств.

В период карательных походов Тамерлана многие из кочевников – кыпчаков Предкавказья погибли в сражениях, другие были рассеяны по степям Юго-Восточной Европы или уведены в Среднюю Азию. Но немало было и таких – главным образом оседлых, частично перемешанных с аланами – которые отдельными разрознен-

ными группами влились в среду местных горских племен, причем не только в центральной части региона. Закономерно, что предания о маджарских предках до недавнего прошлого были известны многим народам края. Но более популярными оказались они у балкарцев и дигорцев, что, по всей вероятности, адекватно роли мигрантов-тюрок в этногенезе тех и других. Правда, в отличие от Балкарии, где в конечном счете возобладала тюркская речь, в Дигории тюрки были ассимилированы сами. Очевидно, это произошло не скоро. Во всяком случае, сознание балкаро-дигорского этнического родства "по маджарской линии" сохраняется по сей день. Отражением этого факта может служить не только генеалогия дигорской и балкарской знати, возводивший свою родословную к братьям - маджарцам Басияту и Бадету (Бадинату), но и на народные версии преданий, акцентирующее "особые" права дигорцев и балкарцев на маджарское прошлое.

Здесь, видимо, следует оговорить неоднозначность понятия "маджарцы" применительно к различным районам края и различным этапам золотоордынского периода. В начале XIV столетия это название могло относиться только к тюркоязычному населению степного Предкавказья с административным центром в г. Маджарах на р. Куме. Но по мере расселения степняков на правобережье р. Малка и тюркизации ими остатков местного населения наименование "маджарцы" стало распространяться и на них. Таким образом, маджарцы, о которых в преданьях говорится как о предках балкарцев и дигорцев – это уже не только сами тюрки, но и отуреченные ими аланы плоскостных районов края.

Только такими фактами можно объяснить то, что карачаевцы и балкарцы – тюркские по языку – называют себя этнонимом иранского происхождения alan (< др. –

иран. arjana "арийский", "ариец"). Этим же этнонимом называют карачаевцев и балкарцев менгрелы и ногайцы. По мнению В.И. Абаева, под этнонимом асы (ясы), которым именуют балкарцев осетины, в середине века был известен именно тот северокавказский народ, который обычно называли аланами [Абаев В.И. Избранные труды. т. 2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ.: Ир, 1995]. Если говорить о тюркоязычности алан, то, под последними, скорее всего, следует понимать потомков ираноязычных алан, ассимилированных кумано-кыпчаками в половецкую эпоху в степях Предкавказья. Эти кыпчакизировавшиеся аланы впоследствии влились в состав складывающегося карачаево-балкарского народа, сохранив при этом свое традиционное этническое самоназвание.

Определенный отпечаток на процесс этнолингвогенеза карачаевцев и балкарцев наложили также контакты и взаимовлияние с соседними кавказскими народами на протяжении позднего средневековья и в последующие периоды.

Все эти сложнейшие процессы, связанные с происхождением и окончательным сформированием современных карачаевцев, балкарцев, кумыков, крымских татар, караимов нашли отражение в особенностях их языка, антропологического типа, материальной и духовной культуры тюркоязычных народов кумано-кыпчакской группы. Несмотря на многовековые и многократные наслоения и смещения, современный карачаево-балкарский язык является прямым потомком кумано-кыпчакского (половецкого) языка.

Автономное развитие карачаево-балкарского языка начинается со времени начала распада Золотой Орды и ухода части кыпчаков-половцев из степной зоны Предкавказья в ущелья Центрального Кавказа; это могло

иметь место только после походов Тамерлана (1395-1396 годов).

В процессе своего автономного развития карачаево-балкарский язык сохранил исконно тюркские и некоторые аланские черты под воздействием внешних субстратно-адстратных и контактных факторов обрел отличительные специфические особенности. Характерной особенностью наиболее раннего периода изучаемого языка была его ареальная дифференцияция, которая явилась следствием территориального дробления и расселения говорящих на различных диалектах одного из древнетюркских языков разноплеменных групп-предков карачаевцев и балкарцев. В свою очередь, это привело к локальной дифференциации карачаево-балкарского протоязыка и постепенному появлению качественно новых диалектов и говоров старокарачаево-балкарского языка.

Следует отметить, что автономное развитие карачаево-балкарского языка началось в сравнительно недавнем историческом прошлом и протекало в условиях достаточно тесных взаимосвязей между различными локальными группами носителей языка.

При изучении истории любого языка важное место отводится данным диалектов и междиалектным взаимоотношениям. С учетом чрезвычайной важности фонетических корреляций между диалектами и говорами для реконструкции различных диахронических уровней языка, целесообразно более подробное изучение наиболее ярких отличительных признаков и характеристик диалектов и говоров карачаево-балкарского языка.

Исчерпывающая характеристика диалектного явления (равно как и диалекта в целом) как объекта научного исследования определяется тремя неоднородными аспектами: структурным, территориальным и генетическим.

I. Выявленные соответственны явления, образующие

но с появлением кыпчаков связывала Т.М. Минаева сокращение числа городищ на плоскости и одновременно увеличение их количества в горах, начиная с XI - XII вв. Во вторых, тогда же центр Аланской метрополии был перенесен из Нижнего Архыза в Сотириуполь, и впоследствии митрополит Лаврентий объяснял это тем, что население Алании "ведет пастушеский образ жизни" [Батчаев В.М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. - Нальчик: Эльбрус, 1986. – С. 23].

Здесь речь идет именно о кыпчаках, которые в своих сезонных перекочевках могли заходить далеко вглубь правобережья Малки, хотя прочное освоение ими данной территории приходится уже на XIII – XIV столетия.

Упоминание в хрониках XIV века тюркские топонимы Алании отражают процесс тюркизации края далеко не полностью, в действительности таких топонимов было значительно больше. К настоящему времени окончательно установлена дата одного из крупнейших в регионе средневековых поселений – города Маджары на реке Кума (на месте современного Буденовска). Он возник в самом начале XIV века, а в конце того же столетия был разрушен ордами Тамерлана. Можно предположить, что это было следствием перемещения какой-то части тюрок степного Предкавказья на правобережье реки Малки, и ассимиляции ими плоскостных алан в XIV веке. Этнический состав тюрок – маджарцев скорее всего был неоднородным, но то, что значительная часть состояла из кыпчаков не требует доказательств.

В период карательных походов Тамерлана многие из кочевников – кыпчаков Предкавказья погибли в сражениях, другие были рассеяны по степям Юго-Восточной Европы или уведены в Среднюю Азию. Но немало было и таких – главным образом оседлых, частично перемешанных с аланами – которые отдельными разрознен-

ными группами влились в среду местных горских племен, причем не только в центральной части региона. Закономерно, что предания о маджарских предках до недавнего прошлого были известны многим народам края. Но более популярными оказались они у балкарцев и дигорцев, что, по всей вероятности, адекватно роли мигрантов-тюрок в этногенезе тех и других. Правда, в отличие от Балкарии, где в конечном счете возобладала тюркская речь, в Дигории тюрки были ассимилированы сами. Очевидно, это произошло не скоро. Во всяком случае, сознание балкаро-дигорского этнического родства "по маджарской линии" сохраняется по сей день. Отражением этого факта может служить не только генеалогия дигорской и балкарской знати, возводивший свою родословную к братьям - маджарцам Басияту и Бадету (Бадинату), но и на народные версии преданий, акцентирующее "особые" права дигорцев и балкарцев на маджарское прошлое.

Здесь, видимо, следует оговорить неоднозначность понятия "маджарцы" применительно к различным районам края и различным этапам золотоордынского периода. В начале XIV столетия это название могло относиться только к тюркоязычному населению степного Предкавказья с административным центром в г. Маджарах на р. Куме. Но по мере расселения степняков на правобережье р. Малка и тюркизации ими остатков местного населения наименование "маджарцы" стало распространяться и на них. Таким образом, маджарцы, о которых в преданьях говорится как о предках балкарцев и дигорцев – это уже не только сами тюрки, но и отуреченные ими аланы плоскостных районов края.

Только такими фактами можно объяснить то, что карачаевцы и балкарцы – тюркские по языку – называют себя этнонимом иранского происхождения alan (< др. –

иран. arjana "арийский", "ариец"). Этим же этнонимом называют карачаевцев и балкарцев менгрелы и ногайцы. По мнению В.И. Абаева, под этнонимом асы (ясы), которым именуют балкарцев осетины, в середине века был известен именно тот северокавказский народ, который обычно называли аланами [Абаев В.И. Избранные труды. т. 2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ.: Ир, 1995]. Если говорить о тюркоязычности алан, то, под последними, скорее всего, следует понимать потомков ираноязычных алан, ассимилированных кумано-кыпчаками в половецкую эпоху в степях Предкавказья. Эти кыпчакизировавшиеся аланы впоследствии влились в состав складывающегося карачаево-балкарского народа, сохранив при этом свое традиционное этническое самоназвание.

Определенный отпечаток на процесс этнолингвогенеза карачаевцев и балкарцев наложили также контакты и взаимовлияние с соседними кавказскими народами на протяжении позднего средневековья и в последующие периоды.

Все эти сложнейшие процессы, связанные с происхождением и окончательным сформированием современных карачаевцев, балкарцев, кумыков, крымских татар, караимов нашли отражение в особенностях их языка, антропологического типа, материальной и духовной культуры тюркоязычных народов кумано-кыпчакской–группы. Несмотря на многовековые и многократные наслоения и смещения, современный карачаево-балкарский язык является прямым потомком кумано-кыпчакского (половецкого) языка.

Автономное развитие карачаево-балкарского языка начинается со времени начала распада Золотой Орды и ухода части кыпчаков-половцев из степной зоны Предкавказья в ущелья Центрального Кавказа; это могло

иметь место только после походов Тамерлана (1395-1396 годов).

В процессе своего автономного развития карачаево-балкарский язык сохранил исконно тюркские и некоторые аланские черты под воздействием внешних субстратно-адстратных и контактных факторов обрел отличительные специфические особенности. Характерной особенностью наиболее раннего периода изучаемого языка была его ареальная дифференциация, которая явилась следствием территориального дробления и расселения говорящих на различных диалектах одного из древнетюркских языков разноплеменных групп-предков карачаевцев и балкарцев. В свою очередь, это привело к локальной дифференциации карачаево-балкарского протоязыка и постепенному появлению качественно новых диалектов и говоров старокарачаево-балкарского языка.

Следует отметить, что автономное развитие карачаево-балкарского языка началось в сравнительно недавнем историческом прошлом и протекало в условиях достаточно тесных взаимосвязей между различными локальными группами носителей языка.

При изучении истории любого языка важное место отводится данным диалектов и междиалектным взаимоотношениям. С учетом чрезвычайной важности фонетических корреляций между диалектами и говорами для реконструкции различных диахронических уровней языка, целесообразно более подробное изучение наиболее ярких отличительных признаков и характеристик диалектов и говоров карачаево-балкарского языка.

Исчерпывающая характеристика диалектного явления (равно как и диалекта в целом) как объекта научного исследования определяется тремя неоднородными аспектами: структурным, территориальным и генетическим.

I. Выявленные соответственны явления, образующие

диалектные различия, относятся ко всем уровням структуры языка и в своем большинстве являются двучленными, служащими основной для бинарного членения и, следовательно, для выделения двух крупных ареальных единиц карачаево-балкарского языка. Наряду с ними имеют место и некоторые многочленные соответственные явления как основа для более дробного членения и, следовательно, для выделения более мелких (в территориальном и структурном отношении) ареальных единиц.

Установление диалектного членения языка предполагает выяснение отношения соответственных явлений к 1) структуре языка; 2)территории языка; 3) языковому материалу языка (степень охвата фактов). Особого внимания к себе требуют закономерности пространственного распространения членов соответственных явлений различных структурных уровней языка: довольно определенны и относительно однозначны очертания ареалов большинства фонетических, морфологических и части лексико-семантических явлений, ареалы же большинства явлений лексико-семантического уровня и отдельных явлений фонетического, морфологического и синтаксического уровней в значительной мере расходятся между собой по своим очертаниям. Перекрестное сопоставление всех ареалов по совокупности ряда связанных изоглосс позволяет выследить в карачаево-балкарском языке следующие ареальные единицы:

1) основной диалект (легший в основу литературного языка как целого) с двумя говорами:

а) карачаевским и

б) баксано-чегемским (составившими основу двух вариантов литературного языка как частных систем в рамках макросистемы);

2. малкарский (восточный, цокающий) диалект и

в) переходный холамо-безенгийский говор, характери-

зующийся совмещением признаков основного и малкарского диалектов.

Характер схождений и расхождений указанных ареалов, структурные характеристики изучаемых языковых явлений и попытки лингвистической экстраполяции их в прошлое дают определенное основание провизорно допустить возможность интерпретации диалектов как ареальных единиц, берущих свое начало в двух древних близкородственных племенных диалектах, разумеется, со всеми возможными сдвигами в последующей истории последних.

II. Как показывает исследование, карачаево-балкарский язык в его диалектах основными признаками всех своих структурных уровней полностью вписывается в общетюркскую систему формально-семантических отношений.

Вместе с тем, общенародный карачаево-балкарский язык или отдельные локальные его подразделения обнаруживают специфические, только ему присущие черты, отличающие его от других тюркских языков: 1) особая дистрибуция *к, г* - возможность их сочетания с гласными заднего ряда; 2) обязательная геминация интервокального *нг* в середине неразложимых основ при ее невозможности на стыке морфем (кроме случаев столкновения двух фонем, ведущего к образованию долгого *нг*); 3) отсутствие *о* далее первого слога и *о* в не первых слогах слов тюркского происхождения (за исключением ограниченной группы слов типа *бузоў* «теленок», *бугъоў «*оковы», *омураў* «позвонок» и т. д.); 4) спирантизация къ>х после шумных согласных в общенародном языке (*батхан* “утонувший”) и к (п)>х, п (б)>ф перед и после шумных в одном из диалектов (*керех'ти* “нужно”, *кетхен* “ушедший”, *тафты* “он нашел”), 5) утрата в литературном языке конечного ***р*** аффиксом множественного числа -лар

при факультативном его сохранении в диалектах; 6) утрата в литературном языке конечного *н* личными аффиксами 1-го и 2.-го л. ед. ч. при факультативном его сохранении в диалектах; 7) совпадение (разное в разных диалектах) форм. род. и вин. п.п. в простом и посессивном склонении; 8) четкое выражение категории числа как лица обладателя, так и предмета обладания: *джолунг* "твой путь", *джолларынг* "твои пути", *джолугъуз* "ваш путь", *джолларыгъыз* "ваши пути" (ср. шор. *чолларынг* "ваш путь" и "ваши пути"); 9) полная утрата конечного *р* аффиксом -дыр: *алайды* "да, так", ср. полов., кар., тат. *алайдыр*; 10) возможность полного выпадения афф. -ды в формах 3 л. мн. ч. в одном из диалектов: *сурайла* (вместо лит. *сурайдыла*) "они спрашивают", при частичном его сохранении в другом: *сурайла* (р)<*сурайдыла* (р) и т.д..

Подобные отличительные особенности могли быть порождены спецификой исторических и географических условий, о которой речь шла во вводной части работы при характеристике объекта исследования.

Кроме того, благодаря тем же условиям он сохранил в своей системе некоторые архаические черты, к которым можно отнести: 1) сохранение тюркской классической восьмерки гласных; 2) отсутствие *й* в анлауте; 3) обязательность оформления предикативности; 4) форму дат. п. ангар "ему, к нему, туда" от местоимения *ол* "он"; 5) детализированную терминологию животноводства (например, зафиксировано 14 названий возрастных групп овец по трем линиям: самки — самцы — производители — самцы-кастраты, 13 названий их шкур по возрастам и хозяйственному применению).

III. Диалектные различия в любом языке возникают в пространстве и во времени, причем пространство само по себе до вмешательства фактора времени не способно вызвать изменения в системе, тем не менее, оно представля-

ет собой существенный для появления диалектных различий фактор, обусловливающий в сочетании с фактором времени диалектную дифференциацию языка. Основным фактором, определяющим глубину этой дифференциации, является фактор времени.

Таким образом, время и пространство как факторы языковых изменений и возникновения диалектных различий в языке объективно неразделимы и, следовательно, в историко-диалектологических исследованиях должны рассматриваться как единое нечленимое целое с двумя аспектами, имеющими каждый свою яркую специфику, учет которой также необходим.

Темпорально-пространственное рассмотрение особенностей карачаево-балкарских диалектов ввиду глубинного характера диалектных различий не дает основания утверждать, что диалекты сформировались на нынешней территории. Многие доминирующие диалектные различия имеют межтюркский характер, встречаются на огромной территории распространения тюркских языков и естественно, не могут быть объяснены процессами, происходившими на современной территории расселения карачаево-балкарцев, как бы давно они ее ни заселили. Изоглоссы таких явлений, как дж-з, ч-ц, къ, к-х, п(б)-ф, афф.1-го л. ед. ч. пов.накл. – м-н, афф. 3-го л. ед. ч. изъяв, накл. – ды- и др., выходят за пределы территории карачаево-балкарского языка, имеют большую протяженность и различные конфигурации, поэтому они должны рассматриваться в общетюркском масштабе и могут быть возведены к диалектам праязыка (разумеется, во многих случаях через промежуточные ступени).

Это не исключает наличия локальных диалектных различий. Такие диалектные различия имеются, и их нетрудно отличить от древних различий. Главным их признаком является отсутствие этих явлений на остальной

части тюркского языкового массива. Например, изоглоссы таких явлений, как афф. мн.ч. *-ла ~ лар*, личные афф. 1-го и 2-го л. ед. ч. *-м~ ман*, *- са ~ сан*, афф. причастия прош. вр. – *гъан ~ гъый* (позиционно обусловленное различие), афф. деепричастия *- лайыма*, *- ымлай*, явления лексического уровня типа: къайын – мырзы "береза", джилек – мароко "земляника", гылын къуш – уку "сова" и т.д., ограничены территорией карачаево-балкарского языка, что свидетельствует об образовании указанных различий на нынешней территории (как под действием внутренних импульсов, так и в результате длительного контактирования с местными, кавказскими языками). Исходя из данного критерия изменения временной глубины диалектных различий разных структурных уровней, их можно расположить в порядке убывания древних черт следующим образом: фонетические - фонологические - морфологические – синтаксические - лексико-семантические диалектные различия. Примерно в таком же порядке располагаются языковые явления, если исходить из степени совпадения очертаний их ареалов.

IV. Реконструкция любого прошлого состояния языка предполагает учет системных связей и отношений языковых элементов как в статике, так и в динамике. Извлечение факта из системы при его изучении, его изоляция от других фактов, иначе, разрыв их естественных связей ведет к редукционализму, т.е. к сужению границ, обеднению и искажению результатов лингвистического исследования, поскольку свойства языковых элементов могут проявляться только в их естественных взаимоотношениях.

Простейшей иллюстрацией этого может служить поведение некоторых согласных на стыке слов. Спирантизацию ауслаутных *б, къ, к, ф, х,* перед любым начальным шумным согласным последующего слова некоторые исследователи объясняют как явление конца слова и иллю-

стрируют его списком отдельных слов типа: *барыф* "сходив", *тоф* "мяч", *бармах* "палец", *терех* "дерево". Между тем кратчайший пример, иллюстрирующий данное явление, должен представлять собой словосочетание (т.е. состоять как минимум из двух слов, причем произносимых одной интонацией, например, *барыф келдим* "я сходил и вернулся", *цых тышына* "выходи наружу", *терех тубунде* "под деревом"). Наличие в диалектах киргизского языка анлаутного *й* иногда рассматривается как большой архаизм, между тем как этот *й* есть результат спирантизации анлаутного *дж*, возникающий не иначе, как на стыке двух слов, произносимых без паузы, после конечного гласного или плавного предшествующего слова: *малы йокъ* "нет скота", но *келген джокъ* "он еще не пришел", *джыйырма йаша* "в 20 лет", но *онбеш джашта* "в 15 лет".

Отсюда вытекает важный исследовательский вывод: выявление объективных свойств языковых элементов возможно лишь на основе их рассмотрения в их взаимоотношениях в приведенном случае – в речевой цепочке.

Совершенно необходимым условием объективного изучения языковых изменений перспективным или ретроспективным путем, выявления их причин и связей различных явлений является строгий учет соотношения языкового содержания и языковой формы, поскольку формальные изменения в языке всегда связаны с семантическими сдвигами. Формула "содержание определяет форму" в применении к языку и его эволюции означает следующее: структурная организация формы (субстанции) языка обусловлена строением, организацией его содержания; в эволюции языка содержание, будучи связанным, с одной стороны, с мышлением, с другой - с реальной действительностью, является более мобильным и получает опережающее развитие: внешние (по отноше-

нию к структуре языка) факторы вызывают изменения в составе и структуре понятий, в результате этого форма приходит в противоречие с содержанием, что влечет за собой изменения в структуре семантических полей, любые изменения в значениях вызывают сдвиги в функциональной нагрузке языковых элементов; любые колебания в функциональной нагрузке приводят к необходимости формальных изменений. На всех этапах перечисленных изменений действует закон перехода количественных накоплений в качественные.

Усиление (ослабление) значения формального элемента языка ведет к увеличению (уменьшению) его функциональной нагрузки, что обусловливает усиление (ослабление) самого формального элемента.

Крайними точками этих трансформации являются гипертрофия и исчезновение строевого элемента языка.

Примером усиления-ослабления строевых элементов языка могут служить следующие последовательно сменяющиеся звенья в диахронической цепи тюркских звуковых изменений: появление первичных долгот — ослабление (озвончение) последующих глухих согласных — утрата долгот — появление редуцированных гласных — утрата гласных.

Появление первичных долгот, в конечном счете, обусловлено постепенным расширением семантического пространства языка и его дальнейшим дроблением, которые привели к увеличению функциональной нагрузки фонологических (и других) единиц, что вызвало необходимость усиления последних, выразившегося в удлинении гласных в определенной позиции с фонологическим противопоставлением их кратким гласным и в озвончении последующих согласных. Устранение количественных оппозиций за счет утраты долготы гласных объясняется ослаблением функциональной нагрузки дол-

гих гласных. Редукция и выпадение гласных также объясняются сдвигами в функциональной нагрузке фонем (и морфем) в сторону ее уменьшения. Утрачиваться могут звуки, потерявшие свое значение (не только вообще, но и в данном строю).

Системный подход дает возможность постановки генетических проблем в такой плоскости, которая может вывести на правильный путь к их разрешению. Так, например, поиски путей возникновения таких соответственных явлений, как 1) ж-дж-ж-з и 2) ч-ц, предполагают учет взаимоотношений этих рядов; а) в структурном аспекте, в котором любой член одного ряда в данной группе лексики исключает любой член другого ряда: дж-ж-з-ч-ц; б) в территориальном аспекте, где каждая соответствующая пара членов исключает, другие члены в данной ареальной единице: дж-ч, з-ц и в) в генетическом аспекте, с которым связана устойчивая корреляция этих двух рядов. Генетический аспект, естественно, предполагает выход за рамки карачаево-балкарского языка (на общетюркский уровень), где число членов приведенных соответственных явлений значительно возрастает и имеют место процессы сближения и перекрещения данных рядов (як., чув. и отдельные факты в других языках). В целом взаимоотношения между ними с самого начала были такими, что изменение какого-нибудь звена одного ряда вызывало изменения в другом ряду. Например, можно предположить, что изменение архетипа первого ряда *ч* (дж) вызвало изменение архетипа второго ряда *ц* (>ч) или параллелизм процессов, который наблюдается в истории каз. и кир. языков: *дж>ж>х>ш*. Однако развитие корреляции *ч>ц* в истории тюркских языков вылилось в стройное, симметричное, поступательное движение, о чем говорят более многообразная рефлексация архетипа первого ряда и, следовательно, различные отражения данной корреляции в современных тюркских языках.

Можно допустить, что одной из причин этого явился более сильный толчок к изменению (первоначально – к озвончению) архетипа первого ряда, чем второго.

Периодизация истории карачаево-балкарского языка

На основе комплексного изучения разнообразных источников по тюркским народам в сопоставлении с компаративистическими исследованиями в области тюркских и, шире, алтайских языков компаративисты выделяют шесть основных этапов в развитии тюркских языков и основных языковых общностей, в которые эти языки входили в процессе длительного исторического развития:

1. Алтайскую эпоху;
2. Хуннскую эпоху (до V века н. э.);
3. Древнетюркскую эпоху (V–X века);
4. Средневековую эпоху – эпоху формирования и развития языков основных тюркских племен (X-XV века);
5. Новотюркскую эпоху – эпоху формирования и развития языков народностей (XV- XX века);
6. Новейшая эпоха – эпоха развития тюркских языков после Великой Октябрьской революции.

Эта периодизация истории тюркских языков, разработанная Н. А. Баскаковым на основе анализа работ своих предшественников М.А. Кастрена, В.В. Бартольда, В.В. Радлова, Н.Ф. Катанова, П.Р. Мелиоранского, С.Е. Малова, Б.Я. Владимирцова, Г.Й. Рамстедта, Н.Н. Поппе, М. Рясянена, К. Гренбека, А. Джафероглу и др. часть приводится в обобщающих тюркологических трудах. Однако периодизация истории татарского языка, генетически наиболее близкого карачаево-балкарскому и тем самым представляющего для нас особый интерес, у Н.И. Егоро-

ва выглядит следующим образом:

1. Прототюркское состояние (около 2000 года до н.э.).
2. Раннепратюркский период (около 2000-500 г. до н.э.).
3. Позднепратюркский период (500 год до н.э. - 0).
4. Раннедревнетюркский период (0-VI век н.э.).
5. Среднедревнетюркский период (VII-IX века).
6. Позднедревнетюркский (древне-кыпчакский) период [X-XII века].
7. Раннесреднетюркский (средне-кыпчакский) период [XIII - первая половина XV века].
8. Позднесреднетюркский (старотатарский) период [вторая половина XV - первая половина XVI веков].
9. Ранненовотюркский (ранненовотатарский) период [вторая половина XVI-XVII веков].
10. Поздненовотюркский (поздненовотатарский) период [XVIII-XIX века].
11. Современный татарский язык [XX век].

В основу периодизации истории карачаево-балкарского языка А.А. Чеченов положил указанные выше разработки; однако, учитывая, что алтайская и прототюркская эпохи прямого отношения к истории карачаево-балкарского языка не имеют, эти периоды исключены. Следовательно, периодизацию истории карачаево-балкарского языка следует начинать с пратюркского языка.

Пратюркская эпоха (500 год до н.э. – 0) – эпоха первоначального диффузного состояния общего предка так называемых стандартных тюркских языков, характерных общими признаками зетацизма и сигматизма. К концу этой эпохи единый язык начинает распадаться на отдельные наречия, из которых впоследствии формируются древнеогузский, древнекыпчакский, древнечагатайский, карлукский и др. языки.

Древнетюркская эпоха (0 - начало XIII века н.э.) –

эпоха отделения, формирования и консолидации самостоятельных тюркских языков – общих предков различных групп современных тюркских языков: огузского, кыпчакского, карлукского (чагатайского), урянхайского и др. Эта эпоха подразделяется на два периода: раннедревнетюркский и позднедревнетюркский.

а) Раннедревнетюркский период (0 -VI век н.э.) – это период до образования Восточного и Западного тюркских каганатов. О самостоятельных тюркских языках этого периода достоверных сведений наука пока не имеет, раннепратюркский язык восстанавливается на основе сравнительно-исторических исследований.

б) Позднедревнетюркский период (VI-VII века) охватывает время существования Первого Тюркского каганата (552-630 годы).

В середине VI века в степях Центральной Азии происходят коренные перемены в политической обстановке. Алтайские племена тюрок во главе с коганом Бумынем разгромили жужаней и образовали Тюркский каганат, объединивший большое число разноязычных племен Алтая и Центральной Азии. Ядро каганата составляли алтайские тюрки-тугю.

Н.А. Баскаков древнетюркскую эпоху разделяет на три периода: тукюйский (V-VIII века), древнеуйгурский (VIII-IX века) и древнекиргизский (IX-X века). Эту же эпоху А. Рона-Таш подразделяет также на три этапа: первый (552-VII век), второй (VII-IX века) и третий (IX-XIII века). Такое подразделение древнетюркской эпохи на периоды в принципе верно и приемлемо с общетюркологической точки зрения, но мало чего дает для истории карачаево-балкарского языка конкретно.

В VII-VIII веках восточная ветвь тюркских племен распалась на две большие группы: первая – западнотюркская, или огузско-карлукско-кыпчакская, группа, в

которой соответственно отразились три основных компонента восточной ветви, дифференциировавшаяся позже на огузские, кыпчакские и карлукские племена, которые и составили основу носителей современных тюркских языков, относящихся к западной ветви. Вторая, более сложная – восточнотюркская. Для истории карачаево-балкарского языка, входящего в западнокыпчакскую группу, особый интерес представляет история западнотюркской, или огузско-карлукско-кыпчакской группы.

Среднетюркская эпоха (VIII-XVI века) охватывает огромный период истории, в которой происходила дифференциация, становление и распад отдельных тюркских языков-огузского, карлукского (чагатайского), кыпчакского, а также вычленение из последних современных тюркских языков, объединяемых в одноименные группы. Среднетюркскую эпоху по отношению непосредственно к карачаево-балкарскому языку можно разбить на пять периодов: кимакский (VIII-X века), кыпчакский (X-XI века), куманский (половецкий) (середина XI начало XII веков), золотоордынский (1223-1396 годы) и постзолотоордынский (1396 год – XVI - век) периоды.

Кимакский период (вторая половина VIII-X века) охватывает время выделения, возвышения и распада Кимакского объединения, из которого впоследствии вышли кыпчаки. После падения Западного тюркского каганата в 656 году кимаки обособились и основали кимакский племенной союз, первоначально объединивший семь племен, а впоследствии, в середине IX века, количество их федератов возросло до двенадцати.

Кимакская федерация, подобно Тюркским, Уйгурскому и Кыргызскому каганатам, в конце IX начале XI веков представляла собой фактически раннефеодальное государственное образование.

О языке собственно кимаков сведений осталось мало,

но есть основания считать его языком кыпчыкского типа. Это тем более очевидно, что из кимакской федерации впоследствии на арену истории вышли именно кыпчаки.

На рубеже X и XI веков "Кимакский каганат" прекратил свое существование, входившие в его состав кыпчаки усилились и фактически получили самостоятельность; с начала XI века они двинулись к западу. Начался новый период в истории кыпчакских языков.

Кыпчакский период (первая половина XI века) – период самостоятельного развития пракыпчакского языка – основы всех современных тюркских языков кыпчакской группы.

Основным литературным и языковым памятником этой эпохи является классический труд ученого-филолога, тюрка по происхождению, Махмуда Кашгарского "Диван тюркских языков". Этот труд представляет собой памятник устного разговорного языка тюркских народов Средней Азии и примыкающих к ней стран. Кроме лингвистического материала, в "Диване" Махмуда Кашгарского сосредоточены также и этнографические сведения о народах Средней Азии и Казахстана. Языки огузов и кыпчаков характеризуются Махмудом Кашгарским диалектными особенностями перехода j>з^, m>b, t>d в начале слов, g>x в других позициях.

Языки кыпчаков, тухси и ягма, согласно сведениям Махмуда Кашгарского, уже в то время не имели звука c, s, что характерно и для современных канглийско-кыпчакских языков.

Из сведений Махмуда Кашгарского узнаем, что так называемое джоканье (т.е. переход j> ^з), характерное и для современного карачаево-балкарского языка, развилось еще в общекыпчакский период его истории и документально датируется XI веком.

В кыпчакский период в основном завершилось окон-

чательное сформирование пракыпчакского языка – общего предка ряда кыпчакских языков.

В середине XI века кыпчаки из северо-казахстанских степей хлынули в степную зону Юго-Восточной Европы и начался новый период их истории, который условно называют куманским или половецким.

Куманский (половецкий) период (середина XI - начало XIII веков) охватывает историю половецких племен в Восточной Европе до времени монголо-татарского завоевания. В этот период складывается куманский, или западный вариант кыпчакского языка, из которого потом выделились самостоятельные карачаево-балкарский, кумыкский, караимский и крымско-татарские языки.

Сведения о языке кумано-половцев до монгольской эпохи весьма скудны. Науке неизвестны письменные литературные памятники на языке кыпчаков, относящихся непосредственно к периоду до монгольского завоевания. Все значительные письменные памятники языка западных кыпчаков дают нам относительно полное представление только о языке послемонгольского периода, который в результате смешения племен, вызванного нашествием, мог в значительной степени видоизмениться.

Современный карачаево-балкарский язык в своей основе восходит, наряду с близкородственными кумыкским, караимским и крымско-татарским, именно к кумано-кыпчакскому языку-основе.

Монголо-татарская армия, покорившая в 20-х годах XIII века страны Передней Азии и Закавказья, в 1222 году прошла Дербентские ворота и столкнулась с аланами, которые привлекли на свою сторону кыпчаков-половцев, обитавших в южнорусских степях, прилегающих к Пятигорью и Прикубанью. Первая волна монгольских завоевателей подкатилась и хлынула в восточноевропейские степи, занятые половцами в 1222-1223 года. Сначала они

заняли Ставропольскую возвышенность, потом Прикубанье, далее через Таманский полуостров и пролив прошли уже в Крым и постепенно стали растекаться по югу восточноевропейских степей.

Вторая волна монгольских завоевателей хлынула в Восточную Европу в 1228-1229 годах. Надо подчеркнуть, что основную военную силу монгольской армии составляли не сами монголы, а главным образом, среднеазиатско-казахстанские кыпчаки.

Самым западным государством, возникшим в эпоху после монгольского завоевания, была Золотая Орда Джучиева улуса со ставкой хана на Нижней Волге. Золотой Орде к концу XIII века были подчинены Русь, Волжская Булгария, практически вся территория Дешт-и Кыпчака, Северный Кавказ, Крым, Хорезм.

Время рассвета Золотой Орды падает на XIII-XIV века. После включения Северного Кавказа в состав Золотой Орды плодородные долины и степи Предкавказья превратились в кочевья золотоордынских ханов. Каждый пятый воин золотоордынского хана должен был охранять от горцев выходы из ущелий, чтобы они не сжигали пастбища и не угоняли скот. С этой же целью золотоордынские ханы в предгорьях Кавказа строили свои города-крепости. Такие города были возведены у входа в Эльхотовские ворота – Татартюп, у нынешнего города Майский (в Кабардино-Балкарии), такие же пограничные посты и остроги были у села Лячинкая, на реке Подкумок, известный золотоордынский город Маджары и т.п.

Язык Золотой Орды как народный, так и литературный не был однородным. На востоке основным народно-разговорным языком был канглийско-кыпчакский. В Хорезме, основную часть населения которого составляли огузо-кыпчакские племена, язык литературных памятников характеризуется наличием большого количества

огузских и в меньшей степени кыпчакских элементов. На западе, ближе к центральной ставке золотоордынских ханов, где господствовали половецко-кыпчакские племена, народный и литературный язык отражал в большей степени кыпчакские элементы, хотя в западнокыпчакском языке прослеживаются отчетливые следы влияния огузско-печенежского субстрата и поздние огузские веяния.

Для истории карачаево-балкарского языка основной и непосредственный интерес представляют сохранившиеся памятники письменно-литературного и устно-разговорного языка кыпчаков, относящихся к западной части Золотой Орды, то есть к району Поволжья, южнорусских степей и Крыма, хотя значительная часть из них написана в Египте выходцами из половецких степей.

К письменным памятникам западного варианта кыпчакского языка золотоордынского периода относится сочиненная или переписанная в Египте рукопись поэмы Кутба "Хосрав и Ширин", датируемая XIII веком и хранящаяся ныне в Национальной библиотеке в Париже. Книга написана на кыпчакском языке, но содержит элементы уйгурского языка, внесенные, по всей вероятности, уйгурскими по происхождению переписчиками.

Значительный интерес в плане исторической преемственности представляют более поздние кыпчакские памятники письменности XIV-XVII веков на армянском алфавите, сохранившие западнокыпчакский (половецкий вариант языка Золотой Орды) и представляющие главным образом юридические документы каменец-подольских и львовских архивов.

Наиболее ранним памятником устно-разговорного языка западных кыпчаков золотоордынского периода является тюркско-арабский словарь, составленный в 1245 году в Египте и изданный т.Хоутсма. Этот словарь дает

нам полное представление о языке кыпчаков половецких степей периода монгольских завоеваний.

Другой крупнейший памятник кыпчакского языка золотоордынской эпохи, датированный 712 годом хиджры (1313 год) принадлежит перу Абу Хаййана. Этот кыпчакский словарь, составленный на арабской графике, обнаруживает в западнокыпчакском языке значительное количество огузских элементов, восходящих, по всей вероятности, к печенежско-огузскому субстрату.

Более поздним памятником золотоордынско-кыпчакского языка, относящегося к XV веку, является арабско-кыпчакский словарь Джамал эд-Дина ат-Турки. К нему примыкает анонимная грамматика кыпчакского языка на арабском языке, изданная Килисли Рифатом в Стамбуле. Еще более поздним памятником кыпчакского устно-разговорного языка являются половецкий и татарский, обнаруженные в русских летописях XIII – XVIII веков.

Все перечисленные выше памятники кыпчакского языка указывают на то, что язык западных кыпчаков состоял из различных диалектов, обнаруживающих в значительной степени черты языка огузских племен и в меньшей мере - элемент древнеуйгурского языка, которые имели место главным образом в литературном варианте.

Хранителями традиций и основных строевых компонентов западнокыпчакского языка можно считать современные кумыкский и крымскотатарский языки, которые во многом сохранили общую с кумано-кыпчаками лексику, а также фонетические особенности.

Следует обратить внимание на одну важную отличительную особенность карачаево-балкарского языка, выделяющего его из среды близкородственных языков. В то время, когда все кумано-кыпчаксие языки, за исключени-

ем исследуемого языка, являются йокающими – карачаево-балкарский язык является жокающим (или джокающим). Выше было отмечено, что по свидетельству Махмуда Кашгарского, уже в X-XI веках язык кыпчаков характеризовался фиооканьем. Правда, эти сведения относятся к восточным кыпчакам, ибо западных кыпчаков в то время еще просто не было. Судя по свидетельству письменных памятников кумано-половецкого языка, западный вариант кыпчакского языка был в основном йокающим. Есть версия, что джоканье было привнесено в западный ареал второй волной кыпчаков, пришедших в восточноевропейские степи в авангарде монгольских войск из восточнокыпчакского ареала.

Показательно, что все восточнокыпчакские языки – казахский, каракалпакский, ногайский (за исключением кара-ногайского диалекта) являются джокающими. Этот фонетический показатель сближает карачаево-балкарский язык с восточными канглийско-кыпчакскими языками. Карачаево-балкарское джоканье, скорее всего, было поддержано и закреплено в золотоордынский период второй волной кыпчаков, занесенных в половецкие степи из восточно-кыпчакского региона монголо-татарскими завоевателями. Этот факт дает возможность предполагать более тесные контакты между кумано-половецкими предками карачаево-балкарцев и золотоордынскими кочевниками.

Об активном участии золотоордынских кыпчаков восточного происхождения в этнолингвогенезе карачаевцев и балкарцев говорит также значительный пласт лексики монгольского происхождения в современном карачаево-балкарском языке. По мнению В.М. Батчаева в конце XIV - начале XV веков оседлые половцы частью были ассимилированы адыгами, а частью отошли в горные районы, где в процессе их смешивания с местным насе-

лением начала складываться балкарская народность.

Таким образом, в конце XIV - начале XV веков предки карачаевцев и балкарцев окончательно оторвались от остальных подразделений кумано-половцев и положили начало новой самостоятельной карачаево-балкарской народности.

Постзолотоордынский период (XV-XVI в.в.) в истории карачаево-балкарского языка является периодом его формирования и дальнейшего развития. В этот период завершается окончательное оформление специфических черт карачаево-балкарского языка в результате интеграции местных субстратных языков и языка остатков половцев, сохранивших еще некоторые родоплеменные диалектные элементы. В свою очередь, основные очертания приобретают также близкородственные кумыкский, караимский и крымско-татарский языки.

Вначале постзолотоордынского периода произошла интеграция языка карачаевцев и балкарцев в один общенародный язык. В условиях отсутствия собственной письменности и слабого влияния унаследованных письменных традиций, значительное влияние на формирование единого языка оказали обобщенные формулы устной речи. Источником служили традиционные каноны древнетюркских наречий, сложная цепь взаимоотношений диалектных особенностей, структурные типы и социальные функции наддиалектных форм языка. Произошла относительная стабилизация карачаево-балкарского языка.

В постзолотоордынский период происходит, с одной стороны, интеграция языка, а с другой – дифференциация его диалектных особенностей. На востоке карачаево-балкарской этноязыковой территории довольно отчетливо прослеживается влияние алано-осетинского субстрата. Наиболее ярко следы осетинского языкового воздействия можно проследить в Черекском ущелье. В

связи с этим, в цокающем диалекте при поддержке и влиянии осетинского языка сохранилось цоканье, т.е. произошел фонетический сдвиг С > С; на месте анлаутного исторического джоканья появилось зоканье, т.е. произошел переход более раннего J в Z ; произошла спирантизация звуков b/p > f .

В холамо-безенгийском говоре эти фонетические сдвиги носят уже не глобальный характер, а часто смешиваются со стандартными формами карачаево-балкарского языка, легшими в основу литературного языка. Следовательно, зону холамо-безенгийского говора следует считать зоной вибрирования между двумя основными диалектами: цокающим и чокающим.

С конца XV – начала XVII века вместе с крымско-турецкой агрессией на Северном Кавказе усиливается распространение ислама. Мусульманство привнесло в карачаево-балкарский язык арабскую и персидскую лексику, способствовало распространению письменности на арабографической основе.

Новотюркская эпоха (XVII - начало XX века) характеризуется окончательным формированием и стабилизацией всех основных черт современного карачаево-балкарского языка. Особенностью развития тюркских языков в эту эпоху является все возрастающее взаимодействие с русским языком, оказавшим сильное влияние на их развитие.

Новотюркскую эпоху истории изучаемого языка можно подразделять на ранненовотюркский и поздненовотюркский периоды, границу между которыми логичнее провести по времени присоединения Карачая и Балкарии к России. По отношению к собственно карачаево-балкарскому языку первый период можно назвать раннекарачаево-балкарским или старокарачаево-балкарским, а второй - новокарачаево-балкарским.

Раннекарачаево-балкарский период (XVII век – 1828 год) охватывает отрезок времени, характеризующийся дальнейшей консолидацией карачаевцев и балкарцев в единый народ и формированием единого общенародного языка на основе интеграции диалектов и окончательной ассимиляцией иноязычных элементов.

По свидетельству исторических источников, в описываемый период карачаевцы и балкарцы занимали территорию, смежную с отрогами Эльбруса. Карачаевцы к 30-40 годам XVII века прочно обосновались в верховьях рек Баксан и Кубань.

В конце XVI - начале XVII века Балкария представляла собой вполне оформившуюся политическую общность, называемую "Беш тау эл", т.е. "Пять горских обществ", каждое из которых имело свою верховную власть в лице национального Института *Тёре*.

В XVII - XVIII веках в дипломатических сношениях с Россией карачаевцы и балкарцы, в основном использовали, с помощью местных и русских толмачей и писцов, русский язык и русскую письменность. Вместе с тем, в связи с активизировавшимся процессом исламизации карачаевцев и балкарцев, в предгорья стала проникать арабская письменность, позже получившая более широкое распространение.

В ранний период новотюркской эпохи карачаево-балкарский язык обогащал свою лексику заимствованиями из кавказских языков, а также из русского языка; с распространением ислама в него начинают проникать слова арабского и персидского происхождения [Бойчоров С.Я. Карачаево-балкарскии арабописьменный памятник и его отношение к булгарскому языку // Вопросы языковых контактов: (Северокавказский ареал). – Черкесск, 1982. - С. 114-139].

Особо следует отметить, что карачаево-балкарский язык в этот период развивается в условиях локально-

диалектного двуязычия, т.е. дигорско-балкарского (в Черекском ущелье), свано-балкарского (в Баксанском ущелье), кабардино-балкарского (в предгорной зоне) и т.д.

Познекарачаево-балкарский период (1828 – 1917 г.г.) характеризуется дальнейшей консолидацией языка балкарцев и карачаевцев в составе централизованного многонационального государства – России.

Карачаевцы и балкарцы издавна находились в общении с жителями русских поселений. В 1785 году учреждается кавказское наместничество с центром в Екатериноградe (ныне – станица Екатериноградская). В начале XIX века продолжалось строительство укреплений и возведение новых крепостей: Нальчик, Грозная, укрепления Баксанское, Каменномостское, Чегемское и др. Все они служили форпостами царской России на Северном Кавказе. Эти крепости играли большую роль в развитии экономики и культуры местного населения, обоюдных связей карачаевцев и балкарцев с русскими, в результате чего произошла интерференция русского языка с карачаево-балкарским.

Общение карачаевцев и балкарцев с русскими поселенцами происходило путем торговли и товарообмена, что, вместе с другими связями, приводило к взаимодействию культур, быта и хозяйства, а также к взаимной дивергенции и обогащению языков.

Начиная с 20-х годов XIX века, в Карачае и Балкарии начинает развиваться просвещение. До этого времени единственными учебными заведениями, доступными для карачаевских и балкарских детей, были мектебы и медресе при мусульманских мечетях, в которых преподавались арабский язык и основы ислама. Только богатые местные князья имели возможность отправлять своих детей на учебу в Ставрополь, Владикавказ, а также в Москву и Петербург.

После революции 1905-1907 годов среди народов России развернулась борьба за национальное равноправие. Царское правительство вынуждено было признать, что начальное обучение в нерусских школах необходимо вести на родном языке, а на учительскую работу должны назначаться лица, владеющие родным языком учащихся. Результатом этой национальной политики явилось создание первых национальных букварей.

Могучий рост русской культуры в XIX веке дал толчок к изучению самобытной культуры, языка и истории тюркских народов Кавказа. Немало русских ученых, занимавшихся описанием народных обычаев, фольклора и языка, побывало в указанный период среди карачаевцев и балкарцев.

Первым русским исследователем, обратившим внимание на карачаево-балкарский язык, следует считать автора краткого очерка грамматики балкарского языка Н.А. Караулова. Важным событием в истории карачаево-балкарского языка явилось появление в1916 году книги учебного характера "Ана тил" ("Родной язык"), принадлежащей перу И.А. Акбаева. Её можно считать первым букварем карачаево-балкарского языка, а несколько раньше, С. Урусбиев сделал попытку создать балкарскую грамматику.

Систематическое изучение карачаево-балкарского языка, разработка его литературных норм, а также создание инфраструктуры его нормального функционирования относятся уже к новейшей эпохе.

Новейшая эпоха (с 1917 г.) истории карачаево-балкарского языка характеризуется разработкой национальной письменности, созданием нормативного литературного языка и приданием ему статуса государственного, обогащением словарного состава, совершенствованием грамматического строя и т.д.

Новые социальные условия, бурное развитие экономики и культуры, резкое повышение уровня грамотно-

сти населения и мощное воздействие русского языка на дальнейшее развитие карачаево-балкарского языка в связи с прогрессированием школьного образования, развитием прессы, художественной, научной и общественно-политической литературы способствовали ускоренному развитию национального языка, расширению его функций и социального статуса.

Важное значение в становлении общенационального карачаево-балкарского языка имело политическое обустройство тюркских народов и создание их национальной государственности. В январе 1921 года была образована Горская АССР, куда, наряду с другими, вошли Карачай и Балкария как самостоятельные национальные округа. Спустя год, после выхода Кабарды, Балкария тоже вышла из состава Горской республики и преобразовалась в Балкарский национальный округ. И, наконец, в 1922 году, воссоединившись, два политических образования создали Кабардино-Балкарскую автономную область. В январе 1922 года ВЦИК утвердил Декрет об образовании автономной области карачаевского, черкесского, ногайского и абазинского народов как составной части РСФСР.

В 1936 году Кабардино-Балкарская автономная область была преобразована в АССР. Образованная в 1922 году Карачаево-Черкесская АО, в 1926 году распалась на Карачаевскую АО и Черкесский национальный округ. В начале 1957 года Постановлением Президиума Верховного Совета СССР была создана Карачаево-Черкесская автономная область.

В результате укрепления государственности национальных образований создается благоприятная почва для сближения диалектных вариантов общенародного языка и выработки общих литературных норм, а также расширения функций этих языков.

Карачаевская и балкарская народности, получившие право национального самоопределения, создают единый литературный язык, на основе которого развиваются национальные литературы, школьное обучение, пресса, театр и т.д.

Новейшую эпоху истории карачаево-балкарского языка можно разбить на четыре периода: раннесоветский период (1917-1943 гг.); период депортации (1944-1956 гг.); позднесоветский период (1957-1990 гг.) и постсоветский период (с 1991 года).

Раннесоветский период (1917 – 1943 гг.) в истории карачаево-балкарского языка был периодом прогрессивного развития национально-языкового строительства в Кабардино-Балкарской АССР и Карачаево-Черкесской автономной области. В довоенные годы происходит становление письменно - литературного языка и его норм, начинается планомерное изучение языка. В 1926 г. был создан Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт, было организовано Северо-Кавказское краевое национальное издательство, начавшее выпуск литературы на национальных и русском языках. В 1924-1926 гг. на основе арабской графики была создана национальная письменность, в 1926 году она была переведена на латинский алфавит, а с 1938 года – на современную систему письма, основанную на кириллице. Созданием национальной письменности в 1920 -1930-е годы занимались Всесоюзный центральный комитет нового алфавита, работники центральных научных учреждений, а также местные кадры [Суюнчев Х.И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск: Ставрополь, 1977. – С. 8]. Создание своей национальной письменности дало карачаевцам и балкарцам возможность издавать учебники и обучаться на своем родном языке, способствовало росту числа учащихся в школах и повышению уровня грамотности.

С 1924 года начала издаваться первая национальная газета " Карахалк", в 1937 году начало работать национальное радио.

В 1936 году на базе ЛУГа были открыты самостоятельные высшие и средние учебные заведения. В 1935 году создан Карачаевский научно-исследовательский институт языка и письменности, в 1938 году открыт Черкесский государственный институт.

В раннесоветский период создавалась национальная литература, театр, пресса, на родных языках выходили газеты. Этот позитивный процесс был прерван в середине 40-х годов XX века: в ноябре 1943 года карачаевцы, в марте 1944 года – балкарцы были выселены со своей исторической родины и депортированы в республики Средней Азии и Казахстан.

Период депортации (1943 -1956 гг.). В результате проведения ничем не оправданной политики репрессий изучение карачаево-балкарского языка предается забвению вплоть до 1957 года, когда карачаевцам и балкарцам было разрешено вернуться на свою историческую родину. В этот период центр исследований карачаево-балкарского языка перемещается за пределы Советского Союза. Открываются зарубежные центры по изучению карачаево-балкарского языка (функционирующие по настоящее время) в Калифорнийском, Висконсинском, Блюмингтонском университетах США, в Анкарском, Стамбульском, Газийском университетах Турции. В эти годы карачаево-балкарским языком достаточно активно занимались иностранные тюркологи С. Чагайтай, М. Бала, Х. Эрен , Р. Рахмети Арат, О. Притцак, А.М.фон Габен, Р.Карча, А. Джафероглу, М. Рясянен, И. Бенцинг и др. Зарубежные исследователи предприняли попытки изучения вопросов исторической фонетики и грамматики, определения места карачаево-балкарского языка в системе тюркских и алтайских языков.

Позднесоветский период (1957-1990 г.г.) характеризуется новым подъемом прогрессивного развития карачаево-балкарского языка. После восстановления в 1957 году государственности карачаевцев и балкарцев было продолжено использование алфавита на основе русской графики.

В позднесоветский период в Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии массово распространено национально-русское двуязычие. В такой языковой ситуации карачаево-балкарский язык развивается, его всестороннее изучение значительно расширяется и углубляется; активизируется работа по подготовке кадров-языковедов с высшим образованием из среды самих носителей языка; появляются первые ученые - кандидаты и доктора филологических наук из числа карачаевцев и балкарцев.

Постсоветский период (с 1991 года) характеризуется повышением статуса карачаево-балкарского языка и дальнейшим расширением его социальных функций. В 1991 году провозглашены Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская республики в составе Российской Федерации, а карачаево-балкарскому языку придан статус одного из государственных языков этих республик.

В законодательном порядке восстанавливаются утраченные в период депортации и позднесоветские годы функции карачаево-балкарского языка.

Поэтапно реализовываются Государственные программы развития языков народов КБР и КЧР. Все ощутимее интегрируются ученые-лингвисты и консолидированно разрабатывают единые нормы литературного карачаево-балкарского языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Абаев В.И.** Избранные труды. т. 2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: Ир, 1995.
2. **Абдуллатипов А.Ю.** История кумыкской литературы (до 1917 года) I часть. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1995.
3. **Акбаев Ш.Х**. Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении. – Карачаевск: Изд-во КЧГПУ , 1999.
4. **Акбаев Ш.Х.** Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. (Опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения). – Черкесск, 1963.
5. **Байчоров С.Я**. Гуннско-протобулгарско-северокавказские языковые контакты // Вопросы языковых контактов: (Северокавказский ареал). – Черкесск, 1982, с. 44-62.
6. **Байчоров С.Я.** Древнетюркские рунические памятники Европы: Отношение северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волго-донскому и дунайскому ареалу).– Ставропольское кн. изд-во, 1989.
7. **Байчоров С.Я.** Карачаево-балкарский арабописьменный памятник и его отношение к булгарскому языку // Вопросы языковых контактов: (Северокавказский ареал).– Черкесск, 1982, с.114-139.
8. **Байчоров С.Я.** Реликтовые памятники карачаево-балкарской обрядовой поэзии как этногенетический источник // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногайского языков: сборник научных трудов / под ред. Ж.М. Гузеева. – Черкесск: КЧНИИ ИФЭ, 1991. С. 5-16.
9. **Балкаров Б.Х**. Адыгские элементы в осетинском языке.– Нальчик: Нарт, 1991.

10. Баскаков Н.А. О проекте единой фонетической транскрипции тюркских языков. – М.: Изд-во восточной литературы, 1959.

11. Баскаков Н.А. Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация. – Ашхабад: Ылыш, 1988.

12. Баскаков Н.А., Баскаков А.Н. Современные кыпчакские языки. – Нукус: Каракалпакстан, 1987.

13. Батчаев В.М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1986.

14. Бесленеев А.Д., Шаманов И.М. Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области: Вторая половина XIX века. – Черкесск: Карачаево-черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1972.

15. Бехбудов С.М. Зангеланский говор азербайджанского языка.– Баку: ИЛЯ, 1966.

16. Бигулаев Б.Б. Краткая история осетинского письма. – Дзауджикау: Гос. изд-во. СО АССР, 1952.

17. Биджиев Х.Х. Тюрки Северного Кавказа: (Болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). - Черкесск, 1993.

18. Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX века: (Сельская община).- Нальчик: Эльбрус, 1997.

19. Бокадорова Н.Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII – начала XIX века. Структура знания о языке. – Москва: Наука, 1987.

20. Боргояков М.И. Источники и история изучения хакасского языка: (Очерки). – Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд., 1981.

21. Будаев А.Ж. Карачаево-балкарский алфавит // Проблемы обучения родному и русскому языкам в балкарской школе. – Нальчик: Эльбрус, 1994, с.35-76.

22. Виноградов В.В.: История русского литературного языка: Избранные труды. – М.: Наука, 1978.

23. Виноградов В.В.: Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков: Учебник. М. – 3-е изд.; Высшая школа, 1982.

24. Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков: (Северокавказский ареал). – Черкесск: КЧНИИ, 1978.

25. Вопросы отраслевой лексики: Сб. научн. трудов. – Грозный: ЧИГУ, 1985.

26. Вопросы теории и истории языка. - Л.: ЛГУ , 1963.

27. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века.– М.: Наука, 1974.

28. Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики: (Среднеазиатский ареал) – М.: Наука, 1975.

29. Гаджиева Н.З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. – М., Наука, 1979.

30. Горшков А.И. История русского литературного языка: Краткий курс лекций. - М.: Высшая школа, 1965.

31. Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. – Нальчик: Эль-Фа, 1999.

32. Гузеев Ж.М. Усвоение твердых и мягких согласных русского языка балкарцами.// Становление и развитие двуязычия в нерусских школах. – Л.: Просвещение, 1981.

33. ГумилевЛ.Н. Древние тюрки. – М.: Товарищество "Клышников- Комаров и К".1993.

34. Гумилев Л.Н . Хунну: (Степная трилогия).– С-Пб.: Тайм-Аут-Компас, 1993.

35. Гухман М.М., Семенюк Н.Н. История немецкого литературного языка IX - XV вв. – М.: Наука, 1983.

36. Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка IX - XV вв. - М.: Наука, 1984.

37. Десницкая А.В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. – Л.: Наука, 1970.

38. Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков. – Л., Наука, 1984.

39. Джидалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт историко-этимологического анализа. – М.: Наука, 1990.

40. Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. – М., Наука, 1969.

41. Егоров Н.И. Проблемы генетической и хронологической стратификации лексики чувашского языка и теория булгаро-чувашской этноязыковой преемственности. – Алма-Ата, 1992.

42. Закиев М.З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. – Казань: Татарское кн. изд., 1986.

43. Звегинцев В.А. История арабского языкознания : (Краткий очерк). – М., МГУ, 1958.

44. Иванов И.Г. 200 лет марийской письменности: (Исторический обзор). – Йошкар-Ола: МНИИ, 1975.

45. Исаев М.И.: Очерки по истории изучения осетинского языка. – Орджоникидзе: Ир, 1974.

46. Исследования по исторической диалектологии татарского языка. – Казань: ИЯЛИ, 1979.

47. Кадыраджиев К.С. Проблемы сравнительно-исторического изучения кумыкского и тюркского языков. Махачкала: ДГПУ, 1998.

48. Кажибеков Е.А. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках: (явление синкретизма). – Алма-Ата: Наука, 1986.

49. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976.

50. Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции.– Ставрополь: СГУ, 2000.

51. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в1807-1808 годах. Осетины глазами русских и иностранных путешественников.– Орджоникидзе, 1967.

52. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. Века и народы. – М., Гл. ред. восточной литературы изд-ва "Наука", 1984.

53. Конджария В.Х. Из истории развития абхазского литературного языка: (Дореволюционный период). – Сухуми: Алашара, 1984.

54. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. - Орджоникидзе, 1984.

55. Кумахова З.Ю. Развитие адыгских литературных языков. – М., Наука, 1972.

56. Къарачай-малкъар орфографияны бла пунктуацияны жорукълар. Нальчик: КБГУ, 1986.

57. Лайпанов К.Т., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. – Черкесск ПАО "Пул", 1993.

58. Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка – М.: АН СССР, 1963.

59.Лингвистическая география , диалектология и история языка. - Ереван: АН АрССР, 1976.

60. Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. – М.: Наука, 1977.

61. Материалы по истории татарского народа. – Казань: ИЯЛИ АНТ, 1995.

62. Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов: (мишарский диалект татарского языка). – М.: Наука, 1978.

63. Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. – Л., Наука, 1975.

64. Мещерский Н.А. История русского литературного языка. - Л., ЛГУ, 1981.

65. Мизиев И.М. Народы Кабарды и Балкарии в XIII – XVIII в.в.: Пособие для учителей и краеведов. – Нальчик: Эльбрус, 1995.

66. Мизиев И.М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII – XVIII в.в – Нальчик: Нарт, 1991.

67. Мусаев К.М. Языки и письменности народов Евразии: (региона бывшего СССР). – Алматы:Гылым, 1993.

68. Наджип Э.Н. Датированная тюркоязычная рукопись XVI вв… из Центрального государственного архива в Москве. – М: Издательство восточной литературы, 1960.

69. Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе.- Майкоп: Меоты, 1994.

70. Нелюбина Е.А. Отражение коннотативного аспекта значения, фразеологических единиц в словарной дефиниции // Закономерности взаимодействия национальных языков и литератур. – Казань: КазУ, 1988.

71. Новгородов С.А. Первые шаги якутской письменности: Статьи и письма. М.: Наука, 1977.

72. Очерки истории башкирского литературного языка. М., Наука, 1989.

73. Очерки истории СССР III –IX в.в.- М., 1958.

74. Пауль Г. Принципы истории языка. М., Иностранная литература, 1960.

75. Проблемы адыгейской письменности и культуры речи. – Майкоп: АНИИЭЯЛИ, 1979.

76. Проблемы истории карачаево-балкарского и ногайского языков. – Черкесск: К-ЧНИИ ИФЭ, 1989.

77. Программы по общетюркологическим курсам: (Введение в тюркологию. Сравнительная грамматика тюркских языков).– Чебоксары: ЧПУ, 1987.

78. Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. – Казань: Татарское кн. изд., 1984.

79. Репрессированные народы: история и современность: (Материалы II Всероссийской научной конференции). – Карачаевск: КЧГПУ, 1994.

80. СабанчиевХ.-М. А. Происхождение балкарского народа: легенда и история в ногмовской версии // Народы Северного Кавказа: вопросы истории и историографии. Нальчик, 1998.

81. Садыхов С.Б. Экспериментальное исследование согласных современного азербайджанского литературного языка. – Баку: ИЛЯ, 1968.

82. Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа: Сб. статей.– Махачкала: Дагестанский филиал АНСССР, 1985.

83. Семенюк Н.Н. Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка. – М.: Наука, 1972.

84. Серебренников Б., Гаджиева Н. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — Баку: МААРИФ, 1979.

85. Слепцов П.А.: Русские заимствования в якутском языке: (Послереволюционный период) – М.: Наука, 1975.

86. Солнцев В.М. Язык - как системно-структурное образование. М., Наука, 1978.

87. Суюнчев Х.И. История создания и пути совершенствования карачаево-балкарской орфографии. – Черкесск, 2001.

88. Суюнчев Х.И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. – Черкесск: КЧ отд. Ставропольского кн. изд., 1977.

89. Татар теле тарихы: Программа .– Казань: КазГУ, 1971.

90. Типы наддиалектных форм языка.– М.: Наука, 1981.

91. 320 лет старокалмыкской письменности: Материалы научной сессии .– Элиста: КНИИЯЛИ, 1970.

92. Трофимов М.И. Фонетические процессы в слоге в современном уйгурском языке. Алма-Ата: Наука, КазССР, 1978.

93. Тюркизмы в восточно-славянских языках.– М.: Наука, 1974.

94. Убрятова Е.И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также языкам монгольским и тунгусо-манчьжурским. – М.: Изд. Восточной литературы. ,1960.

95. Улаков М.З. Влияние устной речи на формирование норм лексической системы карачаево-балкарского языка // Проблемы обучения родному и русскому языкам в балкарской школе. – Нальчик: Эльбрус, 1994.

96. Улаков М.З. К истории становления и формирования стилей карачаево-балкарского языка // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногайского языков: сб. научных трудов: К-ЧНИИ ИФЭ, 1991.

97. Улаков М.З. История карачаево-балкарского языка (краткий курс лекций). – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2001.

98. Улаков М.З., Чеченов А.А. Письменные памятники тюркских языков как источники истории современного карачаево-балкарского языка (спецкурс). – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2001.

99. Ураксин З.Г. Фразеология башкирского языка. – М.: Наука, 1975.

100. Феоктистов А.П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков: (Ранний период). – М.: Наука, 1976.

101. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян.– М.-Л: АН СССР, 1962.

102. Филин Ф.П. Происхождение и развитие русского языка. - Л, 1954.

103. Фридрих И. История письма. – М.: Наука, 1979.

104. Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в.: Сб. научн. трудов. – Л.: Наука, 1984.

105. Хабичев М.А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. – Черкесск: К-Ч отд. Ставропольского кн. изд. , 1980.

106. Хаджилаев Х.-М.И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. – Черкесск: К-Ч отд. Ставропольского кн. изд. , 1970.

107. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык.- М.: Наука, 1987.

108. Хангишиев Дж. М. Именные формы глагола в кумыкском языке в сравнительном освещении (имена действия и инфинитивы).– Махачкала, ДГУ,1997.

109. Хапаева С.М. Из истории создания карачаево-балкарской письменности // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногайского языков: Сб.научн. трудов. / под. ред. Ж.М. Гузеева – Черкесск: К-Ч НИИ ИФЭ, 1991, с.137-150.

110. Чентиева М.Д. История чечено-ингушской письменности. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. из., 1985.

111. Чеченов А.А. Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. – М.: ИЯ РАН, 1996.

112. Чеченов А.А. Проблемы формирования и развития языка карачаевцев и балкарцев. – М.: ИЯ РАН, 1996.

113. Чувашский язык: история и этимология. – Чебоксары: ЧНИИ ЯЛИЭ, 1987.

114. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.,1980.

115. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). – Л.: Наука, 1977.

116. Ширалиев М.Ш. Вопросы азербайджанской диалектологии. – М.: Изд. Восточной литературы, 1960.

117. Этногенез карачаевцев и балкарцев: Материалы "Круглого стола". – Карачаевск: КЧГПУ, 1997.

118. Юлдашев А.А. К "Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков". Т.4. Лексика. – М.: АН СССР, 1981.

119. Якубова И.И. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40-70-е годы XVIII века. – Нальчик: Эльбрус, 1993.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие..... 3

Часть I

Письменные памятники тюркских языков как источник истории карачаево-балкарского языка..... 5

Мамлюкско-кыпчакские памятники.....10

"Кодекс Куманикус"..... 23

Армяно-кыпчакские памятники 37

Часть I I

История формирования и развития карачаево-балкарского языка..... 43

Прототюркская проблема..... 45

Булгары и древнебулгарский язык 47

Кыпчакские языки..... 51

Формирование карачаево-балкарского языка..... 60

Периодизация истории карачаево-балкарского языка.....74

Библиография..... 93

Научное издание

Махти Зейтунович УЛАКОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

ЛР № 040940 от 04.02.1999

Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 5.5. Уч.-изд. л. 5.20. Тираж 500 экз. Заказ № 38

ISBN 5-901497-10-4

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе
при Президиуме КБНЦ РАН с готового оригинал-макета

360000, г. Нальчик, ул. И. Арманд, 37"а".
Издательство КБНЦ РАН
Тел. (8662) 42-65-42

© Президиум КБНЦ РАН, 2005